

ЮРИЙ
БРАЙДЕР
НИКОЛАЙ
ЧАДОВИЧ

ШЕДЕВРЫ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФАНТАСТИКИ

ОХОТА НА МИНОТАВРА

Трилогия об Олеге Наметкине

Николай Трофимович Чадович
Юрий Михайлович Брайдер
Враг за Гималаями
Серия «Трилогия об Олеге Наметкине», книга 2

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=134378
Охота на Минотавра. Трилогия об Олеге Наметкине: Эксмо; Москва; 2005
ISBN 5-699-12386-5*

Аннотация

Этот поход должен был принести великую славу Ганеше и новую родину всем ариям. Северные земли содрогнулись бы от поступи боевых коней и оглохли от бряцанья оружия. Но как одна песчинка, принесенная ветром, способна сбросить в ущелье огромный камень, так одна душа может изменить волю сотни богов и... соответственно, ход истории. Чем и занялся на этот раз Олег Наметкин, пациент закрытой психиатрической клиники, метко прозванный главврачом Котярой «душеходцем» за способность подселаться в тела предков. Опыт вмешательства в историю у Олега уже имелся. И весьма успешный. Но теперь Наметкину предстояло дело непростое: стать принцем, возглавить военную оппозицию и предотвратить нашествие. А перед этим в своем времени – ни больше ни меньше как умереть. Изящно и таинственно. С верой в будущее.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	30
Глава 5	39
Глава 6	48
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Николай Чадович, Юрий Михайлович Брайдер Враг за Гималаями

*Поздно пить нарзан, если почки отвалились.
Народная мудрость*

Пролог Рассвет на поле Куру

Все какие ни есть дурные знамения дали о себе знать этим утром – достопамятным утром, которому суждено было стать горестной вехой в истории человечества и с которого начала свой отсчёт новая эпоха, жестокая Калиюга, время зла и насилия.

Сначала с ясного неба раздался гром и на востоке появилась хвостатая комета. Потом неизвестно откуда налетевшие вихри подняли тучи пыли, затмившие только что вставший над горизонтом солнечный диск. Со всех сторон, предвкушая обильную поживу, слетались стаи стервятников. Громко выли шакалы, от алчности забывшие про осторожность.

Все говорило о том, что звёзды, которые появятся в свой срок на вечернем небосводе, отразятся не в хрустальных водах целебных источников, столь многочисленных в округе, а в остекленевших глазах витязей и озерах горячей крови.

Две огромные, до зубов вооружённые армии сходились на широкой равнине, издревле считавшейся священным местом, где раз в месяц бессмертные боги собирались вместе для дружеских бесед и жертвоприношений и где райские небеса соприкасались с грешной землей.

Кауравы, имеющие за спиной восходящее солнце, построили свои несметные рати в виде «шаката», плотного каре.

Пандавы, надеявшиеся не столько на численность, сколько на выучку войска, предпочли строй журавлиного клина – «краунца».

Центр армии пандавов возглавлял Арджуна Светоносный, осенённый знаменем Рыжей Обезьяны. В руках он сжимал дальнобойный лук – гондиву, самое эффективное оружие убийства из всех, созданных человеком вплоть до эпохи пороха. Раззолоченная, сплошь покрытая драгоценностями колесница Арджуны, по меткому выражению одного придворного пиита, сверкала «ярче тысячи солнц».

Знал бы сей стихоплёт да и сам дваждырождённый хозяин колесницы, что впоследствии этот эпитет будет применён к ослепительной вспышке, порождённой атомным взрывом.

Левым крылом войска командовали братья Арджуны – Юдхиштхира Справедливый и Бхима Волчье Брюхо. Правым – близнецы Накула Змееборец и Сахадева Божий Избранник.

Сам я, одетый в лёгкие латы, правил тройкой белых лошадей, запряжённых в колесницу Арджуны.

Должность возничего кажется малозначительной только на первый взгляд, а на самом деле в пылу сражения он заменяет своему высокородному напарнику и слугу, и советника, и телохранителя, и даже санитаря. Этим обязанности возничего не исчерпываются – на пирах он должен славить доблестного витязя в возвышенных стихах.

Недаром многие прославленные воины начинали свою карьеру возничими. Пример тому – кичащийся своей неуязвимостью Карна Ушастый, единоутробный брат Арджуны, а ныне один из вождей вражеского войска и смертельный враг всех пандавов.

Да, так уж получилось, что сегодня на поле Куру сошлись в непримиримом противоборстве сплошь друзья и родственники, ещё недавно друг в друге души не чаявшие. Брат встал на брата, отец на сына, племянник на дядю, ученик на учителя.

Одним только всемогущим богам известно, сколько моральных сил, золота и красноречия я потратил для того, чтобы сравить между собой всех этих героев, уже собравшихся было двинуться на Европу.

Если провести аналогию с другим историческим событием, пусть и не свершившимся на самом деле, но в принципе возможным, то распря пандавов и кауравов, людей одной крови, одной веры и общих устремлений, можно сравнить с войной между сыновьями Чингисхана. Случись такое в свое время – и судьбы многих народов имели бы совсем другое развитие.

Медленно вставало солнце, замутнённое пыльной бурей, но ещё медленнее сближались враждебные армии, как будто бы люди, составлявшие их, стремились хоть на краткий срок продлить свою жизнь, уже вычеркнутую богом Ямой из Книги бытия.

Вперёд рвались только боевые слоны, но опытные вожатые до поры до времени сдерживали их.

Ещё не поступила команда к началу сражения, ещё молчали бубны и не протрубили сигнальные раковины, а стрелы всех видов, дротики и пущенные из пращи железные ядра уже летели в обоих направлениях, легко находя свои жертвы в плотном скопище воинов.

Затем в ход пошли метательные диски «сударшана», острые по краям, как бритва. Их насаживали на специальные шесты, раскручивали в воздухе и посылали в сторону врага, поразив которого, диски возвращались на манер бумеранга, и хозяева ловко ловили их при помощи тех же самых шестов.

Так на поле Куру пролилась первая кровь, но по сравнению с кровавым ливнем, который обещал вскоре затопить всё кругом, это был только лёгкий дождик.

Полоса неистоптанной зелени неумолимо сокращалась, и в какой-то момент армии остановились друг против друга на расстоянии, позволявшем заглянуть в чужие глаза. Никто не решался начать битву первым, ибо сомнительная слава зачинщиков не привлекала ни пандавов, ни кауравов.

– Посмотри на сыновей слепого лицемера Дхритараштры в последний раз, – сказал я, озираясь через плечо на Арджуну. – Очень скоро ты не узнаешь их, обезглавленных и расчленённых, истыканных стрелами и растоптанных ногами боевых слонов.

И тогда этот рыжий ариец, кшатрий чёрт знает в каком поколении, что означает прирождённого убийцу, буквально вскормленного человеческой кровью, отшвырнул свой грозный лук и со словами: «Я не буду сражаться» – уселся на дно колесницы, устланное тигровыми шкурами.

Конечно, я всегда ожидал от него какой-нибудь подлянки, очень уж скользкая публика эти самые кшатрии, недаром их презирают все сословия, начиная от брахманов и кончая шудрами, но такое поведение вообще ни в какие ворота не лезло.

Зная, каким авторитетом пользуется Арджуна в обоих станах, можно было заранее утверждать, что если он сейчас хотя бы заикнётся о мире, то долгожданное сражение не состоится и сотни тысяч отборных воинов, сопровождаемых колесницами и боевыми слонами, немедленно устремятся в соседние страны, неся смерть и разрушение, а главное, совершенно иной миропорядок, в котором не найдётся места ни греческим полисам, ни римской империи, ни всему тому, что должно им наследовать.

Допустить такое было невозможно, иначе все мои старания шли коту под хвост. Если придётся, я заколю Арджуну, облачусь в его доспехи и сам поведу пандавов в бой, благо, что под шлемом мои смоляные космы нельзя отличить от его рыжих кудрей.

– Ты хоть понимаешь сам, о чём говоришь? – обратился я к нему. – В последний момент отказаться от сражения – поступок, недостойный мужчины, а тем более кшатрия. Это то же самое, что не донести до рта кубок с вином или не овладеть девой, которая уже готова отдаться тебе.

– Я ничего не могу поделать с собой, – почти простонал Арджуна. – При виде дорогих и близких мне людей, которых придётся лишить жизни, мои ноги подкашиваются, а руки отказываются держать оружие. Зачем мне сокровища, царства, все земные блага и даже власть над тремя мирами, если ради этого надо убивать сородичей? Пусть кауравы корыстолюбивы и вероломны, но, погубив их, мы подорвём основы нашего древнего рода. А когда рухнут родовые устои, исчезнет закон, которому мы следовали на протяжении многих веков. Никто не будет соблюдать предписанные ритуалы. Женщины, оставшиеся без присмотра, станут на путь порока, в результате чего смешаются касты и благородные арийки понесут от поганых шудров. Предки, лишённые жертвенных даров, низринутся с небес в ад, а за ними последуем и все мы, проклятые богами грешники. Уж лучше умереть самому, чем допустить подобное святотатство.

«Нет, сам ты не умрёшь, я тебя, тварь рыжая, собственными руками задушу!» – подумал я, но речь повёл почтительно и спокойно. Размолвки у нас случались частенько, но прежде мне всегда удавалось уломать этого хоть и буйного, но недалекого воителя, к тому же не имевшего и сотой доли моего жизненного опыта.

– Столь малодушное поведение недостойно арийца. Это минутная слабость, и её следует побороть. Бери в руки лук и сражайся.

– Легко тебе говорить! – возразил Арджуна. – Как мне сражаться с мудрым Бхишмой, моим дедом? Или с учителем Дроной? Убив их, я тем самым вкушу отравленной пищи. Зачем жить дальше, ощущая вину за гибель столь достойных людей?

– Ты болен, дваждырождённый, – процедил я сквозь зубы. – Твоими устами вещает сумасшедший.

– Да, я болен! – дерзко ответил Арджуна. – И болезнь моя называется состраданием. Может, ты знаешь лекарство от неё? Дай хотя бы дельный совет, а то я совсем запутался. Просвети меня. Наставь на путь истинный, ведь в народе тебя прозвали пастырем.

«Ладно, – подумал я, – если не помогает психологическое давление, пустим в ход этические доводы. Тем более что все кшатрии помешаны на мистике».

– Станные речи я слышу от тебя, о лев среди людей. Ты сожалеешь о том, что не заслуживает сожаления. Мудрец не скорбит ни о живых, ни о мертвых, ибо жизнь и смерть – это лишь перемена обветшавших одежд, которые мы называем телом, а дух пребывает во веки веков. Любой из нас неоднократно менял свой земной облик, и так будет продолжаться до тех пор, пока неизбывны цепи кармы, судьбоносной предопределённости, порождаемой нашими собственными поступками. Человеческие тела тленны и преходящи, зато душа неуязвима. Она не страшится ни меча, ни огня, ни воды, ни голода. Никакие перемены не затрагивают её. Душа не знает смерти, как не знает и рождения. А посему в равной мере не правы те, кто не хочет проливать чужую кровь, и те, кто страшится собственной смерти. Не стоит горевать о гибнущих на поле брани. В любом случае живого ждёт смерть, а мёртвого – возрождение. Убийство не должно приносить огорчение ни убийце, ни его жертве. В нынешнем воплощении ты принял облик кшатрия, а потому обязан выполнять долг воина, для которого битва – священная обязанность и путь достижения высшего блаженства. Твой меч не карающее оружие, а ключ от рая. Уклонившись от участия в сражении, ты навечно покроешь себя бесчестьем и позором, которые неизбежно запечатлятся в карме. От тебя

отвернутся и люди, и боги. Ты прослывёшь трусом как в глазах друзей, так и в глазах врагов. Дабы избежать столь злосчастной участи, тебе надлежит немедленно ринуться в бой. Но всегда помни о том, что удача ничем не отличается от потери, а победа равна поражению.

Увы, но моя речь, к которой прислушивался не только Арджуна, но и все, кто находился поблизости, не произвела должного впечатления.

– Это лишь доводы холодного рассудка, – продолжал упорствовать вождь пандавов. – Они не тронули моего сердца. Ты не дал мне ни просветления, ни надежды на душевное спасение.

Таким образом, у меня оставался один-единственный козырь – аргументы теологического порядка. Не исключено, что они убедят упрямого кшатрия, внезапно ощутившего разлад с суровой действительностью, и на самом деле осквернённой человеческими деяниями, а заодно просветлят его разум, омрачённый отчаянием.

Для пущего вдохновения я приложился к походной фляжке, наполненной сомой – крутым настоем эфедры, которой хвалёный кокаин и в подмётки не годился. Всё, что осталось, прикончил Арджуна, большой любитель этого напитка.

Начал я издалека:

– Послушай, о неистовый бык, к чему нас призывает йога, великое учение о пути избавления духа от оков тела. Приобщившись к мудрости йоги, ты избежишь цепей кармы. Каждый шаг, сделанный на этой благой стезе, избавляет от многих горестей. Все наши земные свершения не идут ни в какое сравнение с величием этого учения. Лишь преодолев дебри заблуждений, порождённых прежним жизненным опытом, ты сможешь достигнуть совершенства. Укротив чувства, сердце и разум, ты найдёшь счастье в себе самом, узрешь внутренний свет собственной души. Постепенно для тебя исчезнет не только постылый материальный мир, но и тяга к нему. Но это совсем не значит, что ты должен предаваться бездействию, поскольку оно противно самой природе человека. Ведь, поглощая пищу, вдыхая воздух и отправляя естественные надобности, ты действуешь даже помимо собственной воли. Запомни лишь одно: совершая какое-либо деяние, не заботься о его плодах. Действовать должно тело, а отнюдь не душа. Главный враг человека – желания. Именно желания порождают привязанность. Привязанность – причина гнева. Гнев ведёт к заблуждениям. Заблуждения – первопричина гибели. Отрешившись от желаний, ты забудешь про страх, обретёшь ясность ума и душевный покой. Мудрый, избавленный от привязанности как к самому себе, так и к другим, недоступный низменным страстям, ты достигнешь nirваны, состояния абсолютного неземного покоя. Лишь после этого тебе откроется высшая, спасительная истина. Хочешь знать какая?

– Хочу! – похоже, что сома уже начала действовать, а в сочетании с моим красноречием это была поистине гремучая смесь.

– Истина в том, что весь зримый мир – всего лишь иллюзия, а людишки, погруженные в суету жизни, мучимые низменными страстями, на самом деле спят.

– По-твоему, и я сейчас сплю? – Он вытаращился на меня.

– Конечно, о утешитель врагов! Для пробуждения тебе придётся приложить немало усилий. Первым делом избавься от желаний. Закрой глаза, сосредоточься, как тебя учили гуру, и повторяй за мной, да так, чтобы эти слова слышали не только боги на небе, но и твоя собственная душа. Ты готов?

– Да, пастырь, – впервые Арджуна произнёс это прозвище без тени иронии.

– Я ничего не хочу, – молвил я ему прямо в ухо.

– Я ничего не хочу, – послушно повторил он.

– Ещё! Проникновеннее!

– Я ничего не хочу! Я ничего не хочу! Я ни-че-го не хо-чу!

Когда эта исступлённая мольба заставила притихнуть даже вражеское войско, я остановил его:

– Достаточно. А теперь скажи: у меня нет привязанностей.
– Нет привязанностей, нет привязанностей, нет привязанностей... – эхом повторил он.
– Этот мир всего лишь сон. Повторяй!
– Всего лишь сон, всего лишь сон, всего лишь сон...
– Но я должен действовать, поскольку продолжаю пребывать в цепях кармы.
– Должен действовать, должен действовать, должен действовать...
– Ну так действуй! – Я изо всей силы хлопнул его по плечу. – Труби в сигнальную раковину! Хватай свой лук! Поражай стрелами кауравов, ведь это не люди, а всего лишь кошмарные видения твоего сна!

Арджуна встал, ещё более бледный, чем обычно, и с безумными глазами – и затрубил в огромную морскую раковину, носившую собственное имя Девадатта, Дар богов.

В ответ ему на левом фланге взвыла раковина Бхимы – Паунда, Сахарный Тростник, а на правом раковина Накулы – Сугхоша, Сладкозвучная. Затем армия пандавов издала громоподобный боевой клич, от которого слоны присели на задние ноги.

Ещё минуту назад стрелы мелькали в воздухе, как проворные рыбки, охотящиеся на стрекоз, а сейчас они хлынули потоком, словно идущий на нерест косяк, и наконецник каждой из них – то серповидный, то зазубренный, то бритвообразный, то похожий на зуб телёнка, то на кабанье ухо, то на стрекало, – прежде чем поразить врага, успевал ярко блеснуть на солнце.

Сам Арджуна метал стрелы из своей гондивы с необычайной быстротой и ловкостью, так что каждая последующая в полёте почти догоняла предыдущую.

Не остались в долгу и кауравы. Несколько точно нацеленных тяжелых дротиков поразили нашу колесницу, и мне пришлось проявить всю сноровку, чтобы прикрыть щитом Арджуну и самого себя.

День, ещё не успев разгореться, быстро угасал в тучах пыли, поднятой атакующей кавалерией и контратакующими слонами.

Грохот схватки на какое-то мгновение распугал даже стервятников, как крылатых, так и клыкастых.

Так началось великое сражение на поле Куру, – называемом иначе полем Дхармы, то есть закона, – по упорству, длительности и количеству жертв не имевшее себе равных вплоть до новейшего времени. Пандавам и кауравам предстояло истреблять друг друга восемнадцать суток подряд, причём схватка продолжалась и в темноте, при свете факелов.

Таким образом, мой расчёт оправдался. Кровь, которая неминуемо пролилась бы на просторах Передней Азии и Европы, была остановлена кровью, затопившей Декан.

Хочу лишь добавить, что всё, сказанное мной Арджуне, было чистейшей импровизацией, порождённой душевным надрывом и действием сомы. В те времена никакого целостного учения о йоге, карме, нирване и колесе жизни у ведических арийцев ещё не существовало, а я в этом деле вообще был полный профан.

Один из воинов, стоявший возле колесницы, слышал наш разговор и запечатлел его в своей памяти. Впоследствии мои слова и реплики Арджуны, неверно понятые, превратно истолкованные, обильно одобренные мистикой и сильно разбавленные риторикой, никакого отношения к делу не имеющей, составили знаменитую книгу «Бхагавадгита», что означает «Божественная песня» или «Беседы Кришны с Арджуной».

Между прочим, Кришна – это я. Как говорится, дожили!

Глава 1

Особый отдел

Небо и земля за окном выглядели сегодня не по сезону мерзко. Даже ещё хуже, чем на малоизвестной картине художника Алексея Саврасова «Вид на замоскворецкую помойку в ноябре месяце», закончить которую автору помешала скоропостижная смерть от запоя.

Мерзко было и на душе майора Донцова, но для того, чтобы адекватно отобразить это состояние, понадобилась бы по крайней мере кисть Иеронима Босха или проникновенный библейский слог. Что-то типа жалоб ветхозаветного пророка Иова: «Когда я чаял веселья, пришла скорбь; когда ожидал света, наступила тьма; когда кичился здоровьем, был снедаем тайным недугом».

Подполковник Кондаков, обирая скорлупу с вареного яйца, поинтересовался:

– Что-то ты бледный сегодня, Семёныч. Опять нездоровится?

Вполне возможно, что участие его было абсолютно искренним, но вот только слова звучали как-то фальшиво. Долгие годы службы в следственных органах различных ведомств не могли не наложить на Кондакова свой неизгладимый отпечаток, и сейчас, на закате жизни, все внешние проявления его чувств выглядели по меньшей мере лукавым притворством – и гнев, и радость, и сочувствие. Купиться на эти иезуитские штучки мог разве что неопытный баклан вроде нового Федора Раскольников.

– Все нормально, – сдержанно ответил Донцов. – Мутит с утра немного. Скоро пройдет.

– Конечно, откуда ему, здоровью, при такой погоде взяться, – ради поддержания разговора Кондаков мог для вида согласиться с любой точкой зрения, пусть даже и совершенно неприемлемой. – Вчера метель мела, а сегодня дождь хлещет. У самого суставы ноют.

Каждый рабочий день он начинал с трапезы – стелил на письменный стол вчерашнюю газету (чаще всего крайне радикального толка), раскладывал на ней нехитрую пролетарскую снесь, кипятил в жестяной кружке чай, а потом долго и вдумчиво работал челюстями, внимательно просматривая обращённую вверх сторону газетного листа. Причина, мешавшая ему как всякому нормальному человеку завтракать дома, оставалась загадкой – то ли сразу после сна аппетит отсутствовал, то ли со стороны домочадцев существовала угроза отравления.

Донцову, у которого с некоторых пор вид почти любой пищи вызывал отвращение, такое поведение коллеги понравиться, конечно же, не могло, но он свои чувства старался не выказывать. Во-первых, не хотел прослыть занудой, а во-вторых, соблюдал некую субординацию. Хотя они с Кондаковым и состояли сейчас в одинаковых должностях, но звания, а тем более выслугу лет имели разные.

– Мой дед в такую погоду всегда на науку грешил, – продолжал Кондаков. – Дескать, опять учёные дырку в небе провертели. И вообще, взгляды имел самые консервативные. Последним изобретением человеческой мысли, которое он одобрял, были галоши.

– Перестройку, надо полагать, ваш дед не принял? – вяло осведомился Донцов (надо ведь было о чём-то говорить).

– Он до перестройки просто не дожил. Скончался в эпоху волюнтаризма, – охотно сообщил Кондаков. – Впрочем, дед и Октябрьскую революцию не принял. Говорил, что как раз после неё всё и пошло наперекосяк. Взбунтовалась природа. То ли в пику российскому народу, то ли по его примеру. Летом засуха, зимой оттепель, весной бури, осенью градобитие. Бардак, одним словом.

– Глобальное потепление климата, ничего не поделаешь, – веско произнёс капитан Цимбаларь. Вообще-то он имел свой собственный кабинет, но сегодня забыл от него ключи и вынужден был дожидаться напарника, который как назло где-то задерживался. – Вечная

мерзлота отступает на север со скоростью сто метров в год. Скоро все города, построенные за Полярным кругом, провалятся в тартарары, грязь затопит шахты и нефтепромыслы, могилы разверзнутся, гнус расплодится в неимоверных количествах, а чукчи вместе с оленями эмигрируют в Гренландию.

– Прямо апокалипсис какой-то. – Кондаков одним глазом подмигнул Донцову. – Ты уж нас, Сашенька, зря не страшай.

– Как же, застрашаешь вас, старую гвардию, – ухмыльнулся Цимбаларь, несмотря на молодые годы успевший побывать и за северными морями, и за южными горами. – Особенно климатом... Впрочем, процесс потепления имеет и свою положительную сторону. Средняя полоса России и Западная Сибирь скоро окажутся в зоне уверенного земледелия, как, скажем, сейчас Средиземноморье. Вокруг Сыктывкара заколосится пшеница, а в Балашихе будет вызревать виноград и хлопок.

– В Ростове соответственно кокаиновый кустарник и опиумный мак, – буркнул Донцов.

Цимбаларь на эту реплику не обратил никакого внимания. Он пребывал ещё в том счастливом возрасте, когда собственное мнение кажется чем-то совершенно неоспоримым.

– В свою очередь, Великие равнины, эта житница Северной Америки, превратятся в пустыню, – с воодушевлением продолжал Цимбаларь. – Про техасскую говядину и мичиганскую кукурузу придётся забыть.

– Давно пора, – сказал Кондаков, разрезая финкой плавленый сырок. – А то зажрались, тузы американские. Пусть теперь у нас продукты покупают. Надоел уже этот импорт. Ни вкуса, ни запаха. Один эрзац какой-то.

– Не позавидуешь тогда американцам, – покачал головой скептически настроенный Донцов. – Сунутся в свои хваленые супермаркеты, а там всё как у нас когда-то. Килька в томате, колбаса «Отдельная», напиток «Буратино» и свиные головы.

– Ничего, не баре. С голодухи всё сожрут, – категорически заявил Кондаков. – Тем более что у них там, наверное, стратегических запасов на сто лет заготовлено.

– В чём-то вы, возможно, и правы. – Цимбаларь покосился на казённую пепельницу, уже осквернённую первыми окурками. – Но с виргинским табачком тоже придётся проститься. Ведь у наших агрономов-мичуринцев даже из самых элитных семян ничего, кроме махорки, не вырастает. Вне зависимости от климата и погоды.

– Отвыкать надо от дурных привычек, – сказал Кондаков. – Фидель Кастро, говорят, и тот курить бросил.

Закончив завтрак, он навёл на столе порядок и наконец-то получил возможность приступить к изучению той стороны газетного листа, которая прежде была обращена вниз.

– Что там новенького пишут в прессе? – осведомился неугомонный Цимбаларь, ощущавший духовное сродство именно с Кондаковым, уже дослужившим до пенсии, а отнюдь не с куда более близким ему по возрасту Донцовым.

Недаром, наверное, говорят, что традиции передаются от дедов к внукам, а не от отцов к детям. Впрочем, их ежедневный трёп нередко переходил в пикировки, а то и в натуральные свары, когда напрочь забывались и разница в возрасте, и чины, и былые заслуги.

– Разное пишут, – ответил престарелый рыцарь плаща и кинжала. – Положение на Ближнем Востоке тебя интересует?

– Вы имеете в виду арабо-израильский конфликт? Ничуть. Кому какое дело до внутренних разборок между двумя братскими народами? И те и другие – семитские обрезанцы. Милые бранятся – только тешатся. Разве не так? А этот самый Арафат – ну прямо вылитый Рабинович из анекдотов, которому в Одессе памятник поставили.

– Оригинальная точка зрения... – Кондаков зашуршал газетой, выискивая что-нибудь сенсационное. – А как насчёт Балкан?

– Тем более. Отношусь к этому региону с глубоким безразличием. Мне ваши славянские сантименты до одного места. Я ведь из цыган происхожу. Моя историческая родина на Индийском субконтиненте.

– Ладно. Тогда слушай новости с Индийского субконтинента. – Кондаков поправил очки. – В штате Джамму и Кашмир группа мусульманских экстремистов расстреляла рейсовый автобус с индусами, возвращавшимися с храмового праздника. Имеются многочисленные жертвы. Полиция приступила к расследованию.

– Вот этого я не пойму! – горячо воскликнул Цимбаларь. – Почему индусы за себя постоять не могут? Ведь их численность, наверное, уже за миллиард перевалила?

– Семьсот миллионов, – уточнил Кондаков, – считая с тамилами, гуджаратуюми, бенгальцами и самозванными цыганами вроде тебя.

– Какая разница! Всё равно это сила. Сто на одного. При таком раскладе можно любого врага голыми руками разорвать. Почему они этих мусульман не могут обуздать? Или религия не позволяет? Мошку не проглотит, червяка не задави, злу не противься?

– Религия тут ни при чём. – Кондаков отложил в сторону газету, которую впоследствии намеревался использовать ещё раз, уже в сортире. – Религия индусов в этом смысле как раз самая подходящая. У них что ни бог, то оборотень. В одной ипостаси он созидатель, а в другой, наоборот, разрушитель. Выбирай, что твоей душе угодно. Видел бы ты их любимую богиню Деви, когда та принимает образ Кали, истребительницы демонов. Вся черная, как уголь. На шее ожерелье из черепов. В двух руках держит отрубленные головы, в двух других – мечи. Клыкастая пасть открыта, язык свисает до самого пупа. Её жрецы регулярно смазывают своею собственной кровью. В глухих местах Кали до сих пор приносят человеческие жертвы. Да и в городах такое случается. Есть у индусов боги и пострашнее. Особенно предводитель небесного воинства Сканда или тот же Ганеша, старший над злыми духами, составляющими свиту Шивы. Да и сам Шива хорош. Недаром в конце времён ему предстоит уничтожить весь этот мир вместе с богами, людьми и аскетами... Нет, тут дело не в религии, а совсем в другом... Отсутствует единство в народе. По всем статьям отсутствует. У мусульман все перед богом равны. Шейх молится в одной мечети с распоследним бедняком и, если надо, вместе с ним идёт в бой. А индусы разделены почти на две тысячи каст. И если ты, к примеру, брахман, то из рук шудра даже стакан воды не примешь, хотя будешь подыхать от жажды. Половина населения и того хуже – неприкасаемые. Эти даже в обычный магазин не могут зайти, не говоря уже о храме. За ослушание растерзают на месте... Ну а если глубже взглянуть, то и вера свой разлад вносит. Богов у индусов столько, что их даже учёные не сумели точно сосчитать. В каждой местности, в каждой деревне свой кумир. И тот, кто поклоняется Брахме, никогда не поймёт вишнуита. Вот так обстоят дела на Индийском субконтиненте. Между прочим, небезызвестный господин Бжезинский ещё тридцать лет назад предрекал распад Индийского государства. И случиться это должно вслед за распадом Советского Союза, Югославии и некоторых африканских стран. Смеялись мы тогда над ним, дураки...

– Откуда вам такие подробности из индийской мифологии известны? – Эрудиция Кондакова явно заинтересовала Сашу Цимбаларя. – На месте довелось побывать или теоретически эту проблему изучали?

– Вообще-то сие тебя не касается, – произнёс Кондаков многозначительно. – Но в связи с истечением срока давности могу признаться: да, бывал я в тех краях.

– Резидентом где-нибудь в Калькутте служили? – вкрадчиво поинтересовался Цимбаларь. – Под видом заклинателя змей или странствующего йога.

– Нет. Дипкурьером в системе Министерства иностранных дел, – ответил Кондаков самым обыденным тоном.

– Почту возили? – Цимбаларь изобразил самое глубокое разочарование.

– И не только, – произнёс Кондаков не без гордости.

– Ага, понятно. Местных коммуняк валютой снабжали. Вот куда уплывали народные денежки.

– Местные коммуняки, как ты изволил выразиться, ориентировались главным образом на маоистов. Мы же сотрудничали с правящей партией Индийский национальный конгресс, возглавляемой в то время дорогим товарищем Индирой Ганди, – Кондаков зашамкал, подражая невнятной речи прославленного в анекдотах генсека. – Слыхал про такую?

– Приходилось. Ещё один вопрос можно?

– Валяй, – милостиво разрешил Кондаков.

– Правду говорят, что лейтенантские погоны вам сам Берия вручал?

– Ну это уже полная туфта! – Кондаков, может, и обиделся, но вида не подал. – Вы меня ещё в соратники Ежову и Ягоде запишите. Семичастного я ещё застал, не спорю. Но в основном под Андроповым пришлось ходить. Серьезный был мужчина. Не чета нынешним начальникам. И кличку имел серьезную – Змея Очковая. В том смысле, что всё насквозь видел и врагам спуска не давал. Как внешним, так и внутренним.

– Ваши слова надо понимать так, что вы оставались чекистом, даже находясь на службе в Министерстве иностранных дел? – продолжал выпытывать Цимбаларь.

– Я чекистом всегда оставался, – произнёс Кондаков веско. – Даже когда подвизался в Государственном санитарном надзоре и был направлен в эфиопскую провинцию Эритрею травить саранчу... а заодно с ней и сепаратистов. Чекистом я остаюсь и в этой занюханной конторе.

– Богатая у вас биография, – восхитился Цимбаларь. – Небось на пенсии за мемуары засядете?

– И не собираюсь даже. Связан подпиской о неразглашении государственной тайны. Да и соответствующих способностей не имею. Мне обычный протокол составить и то в тягость.

– Литературную обработку я вам обещаю. Гонорар пополам. У меня, кстати, и знакомый издатель имеется.

– Если мне понадобится издатель, я лучше к американцам обращусь. В Центральное разведывательное управление. – Кондаков скорбно скривился. – Уж если продаваться, так за хорошие деньги.

– То есть в принципе вы не против, – уточнил Цимбаларь. – И согласны обменять на дензнаки некоторое количество известной вам оперативной информации, пусть и слегка устаревшей.

– Откровенно? – Кондаков, не снимая очков, принялся рассматривать собеседника в лупу, словно тот был не человеком, а каким-то редким насекомым.

– Конечно.

– Знаешь, Сашенька, какая между нами разница? Я свою профессию ещё в средней школе выбрал. Раз и навсегда. А ты в органы потому, наверное, пошёл, что в мафиозных структурах хорошее место не подвернулось. Для истинного профессионала одной выучки мало. Ещё преданность делу нужна. Причём фанатичная. Настоящий разведчик, если в плен попадёт, кладёт свои яйца на край стола и кулаком разбивает вдребезги. Так что будь уверен – известная мне оперативная информация вместе со мной и умрет. Такие вот пироги.

– Я с вами шутя, а вы на полном серьёзе, будто бы мы сейчас на совещании по бдительности присутствуем. – Цимбаларь сразу поскучил.

– Шутить опосля будем, когда ты дело по клубу «Астролог» до ума доведёшь. А то толчешь воду в ступе целый месяц. Весь отдел тормозишь, – этими суровыми словами Кондаков, наверное, собирался окончательно добить своего не по годам заносчивого коллегу. – Вместо того чтобы здесь штаны протирать, шёл бы сейчас да работал. Ведь ещё человек десять по этому делу не допрошено.

– Ваша правда, – ответил Цимбаларь с подозрительным смирением. – Только не десять, а все двадцать. Однако половина из них давно находится вне досягаемости наших правоохранительных органов, а другая половина, судя по всему, может быть допрошена лишь с санкции Святого Петра, владыки загробного мира. И всё потому, что в своё время это дело начинали именно вы, товарищ подполковник. Наворотили чепухи всякой, вот я её теперь и разгребаю. Следствие грамотно провести – это вам не саранчу в Эфиопии травить. И не яйцами об стол стучать. Тут одной преданности мало. Тут ещё голову на плечах надо иметь.

Назревающий конфликт поколений был прерван появлением секретаря отдела Людочки, по возрасту совсем ещё девчонки, но по специфике своей должности человека совсем не последнего.

Хлюпики-интеллектуалы из отдела планирования и анализа, знатоки каббалы, теософии и оккультизма, прозвали её Метатроном. Так по понятиям древних иудеев именовался наиболее приближенный к богу ангел, истолкователь его снов, божественный писец, указующий перст, быстроногий вестник, ходатай за всех провинившихся и единственный, кто в отсутствие вседержителя имел право садиться на небесный престол.

Все эти определения как нельзя лучше соответствовали служебным обязанностям, возложенным на секретаря, характеру личных взаимоотношений, сложившихся в коллективе и добросердечному нраву самой Людочки.

Поскольку начальник отдела полковник Горемыкин, личность загадочная и непредсказуемая, почти не покидал свой кабинет, расположенный на самом верхнем, девятом этаже здания, и внутренней связью старался не пользоваться (были, видимо, на это свои веские причины), то Людочка Метатрон являлась основным связующим звеном между, фигурально говоря, небесным царством, где ковалась высокая политика, и грешной землей, на которой обитали те, кто должен был эту политику проводить в жизнь.

Кроме того, непосредственно через Людочку на нижестоящих сотрудников нисходила милость небожителей, а равно и их гнев, оформленный в виде стандартных приказов о поощрении и наказании личного состава.

Как и подобает ангелу, Людочка была беленькая, кудрявая и столь рослая, что, если бы не явно выраженная половая принадлежность, могла бы запросто служить в гренадёрском полку. Впрочем, весь её рост сосредотачивался главным образом в стройных ногах, а верхняя часть тела, называемая ещё торсом, была столь компактной, что резинка трусиков отстояла от бретельки лифчика всего лишь на одну пядь (всем отделом мерили, когда прошлым летом справляли на пляже чей-то день рождения). Даже непонятно было, где там у неё помещаются внутренние органы.

Ясно, что при таких внешних данных Людочка могла легко сделать карьеру в каком-нибудь модельном агентстве, но она с детства являлась закоренелой фанаткой американского телесериала «Секретные материалы» и мечтала в ближайшем будущем стать отечественным аналогом рыжеволосого агента Скалли.

В настоящее время Людочка готовилась к поступлению на заочное отделение академии правоведения, осваивала вождение автомобиля и посещала все занятия по служебной подготовке, на которые допускались вольнонаёмные сотрудники. Молодые инструктора охотно обучали её правилам обращения с огнестрельным оружием и приёмам рукопашного боя, особенно тем, которые были связаны с захватом курпуса или ног.

– Доброе утро, – сказала Людочка, брезгливо морщась и энергично размахивая перед собой папкой для документации. – Господи, и когда вы только накурить успели! Получите сводку за истёкшие сутки. А вас, – она сделала перед Донцовым грациозный книксен, – начальник просит к себе.

– С чего бы это вдруг? – удивился Кондаков, как будто бы приглашение касалось именно его. – Разве сегодня отчётный день? Мы сейчас на следственный эксперимент выез-

жаем. Из гаража позвонили, что машину уже выслали. Да и всяких других дел выше крыши накопилось.

– Не валяйте дурака, Петр Фомич. – Людочка привычным движением смахнула лапу Кондакова со своего крутого бедра. – Приказы начальства не обсуждаются. За тридцать пять лет беспорочной службы вам пора бы это усвоить.

– Приказы на фронте не обсуждаются, – возразил Кондаков. – Или в тылу врага. А также при проведении специальных операций. Сейчас совсем другой случай. И время, слава богу, другое. Мы не стадо бессловесное, а вы там, на девятом этаже, не пастыри. Приказ приказу рознь. Задерёшь ты, к примеру, юбку, если я тебе прикажу? Отвечай.

– Если прикажете, конечно, не задержу, – без тени смущения ответила Людочка. – А если хорошенько попросите, ещё подумаю. Но соль в том, что вы мне никакой не начальник и вряд ли им когда-нибудь станете. Так что советую не задерживаться.

Она собралась было дружески хлопнуть Донцова папкой по голове, но, увидев постное выражение его физиономии, передумала. Зачем зря раздаривать свою благосклонность? Да и молодые силы следует поберечь, ведь предстоит обойти ещё с дюжину кабинетов, в которых маются с утра неспавшиеся, неопохмелившиеся, сексуально не удовлетворённые мужики, не имеющие никакого представления о хороших манерах.

– Иди, раз зовут, – сказал Кондаков, когда перестук Людочкиных шпилек затих в коридоре. – Наверное, и в самом деле что-то чрезвычайное случилось. Царь-колокол из Кремля спёрли или у премьер-министра любимый кот сбежал.

– Подвалило счастье... Чувствую, накрылись все мои сегодняшние планы, – морщась от ноющей боли в левом боку, пробормотал Донцов. – Что там в сегодняшней сводке интересного? Есть что-нибудь по нашей линии?

– Да вроде ничего, – пожал плечами Цимбаларь, успевший и сводку прочесть, и ногами секретаря полюбоваться. – Как всегда. Кражи, угоны, изнасилования, пожары, убийства на бытовой почве. Рутина...

– Зачем же я тогда шефу понадобился? – Донцов перелистал скопившиеся на столе бумаги, но среди них не было ни одной срочной. – Не понимаю...

– Вот он тебе всё сам и объяснит, – рассудительно произнёс Кондаков. – А в сводке искать нечего. Преступления по нашей линии в неё не попадают. Потому мы и зовёмся особым отделом...

Глава 2

Загадочный полковник Горемыкин

Хотя официально считалось, что в отделе соблюдаются условия строгой секретности и в штате даже числился официальный сотрудник, за это дело отвечавший, тем не менее все здесь знали друг о друге всё, а главное: кто каким ведомством вскормлен (простая ментовка, естественно, не шла ни в какое сравнение со знаменитой «конторой глубинного бурения» или военной контрразведкой), какую конкретно «волосатую руку» имеет в верхах и какими карьерными перспективами на будущее располагает.

Само собой, что не оставалась без внимания и частная жизнь коллег – семья, дом, душевные пристрастия. Побочные связи и тайные пороки. Увы, в реальном быту мужчины были предрасположены к сплетням и пересудам ничуть не меньше, чем женщины, общепризнанные носительницы этого порока.

Да и сама специфика профессии весьма способствовала удовлетворению праздного любопытства, от природы свойственного всем млекопитающим, – тут тебе и слухи, исправно поставляемые информаторами-доброхотами, сохранившимися ещё с совдеповских времён, и широкие связи в криминальном мире, и дружеские контакты с бывшими сотрудниками силовых ведомств, забившими теплые местечки почти во всех государственных и частных конторах.

И, может быть, именно в силу этих обстоятельств глубокая тайна, окружавшая личность начальника отдела полковника Горемыкина, казалась особенно противоестественной, вроде как паранджа, скрывающая от нескромных глаз разнузданную звезду стриптиза.

Информацией о нём не располагали ни сексоты, ни блатная братия, ни вездесущие журналисты, а зубры кадровой работы, хотя и вышедшие на пенсию, но сохранившие цепкую профессиональную память, при упоминании о неизвестно откуда вынырнувшем полковнике, явно пользовавшемся чьим-то высоким покровительством, только пожимали плечами или строили самые фантастические предположения.

Домашний адрес Горемыкина и номер его квартирного телефона были неизвестны даже Людочке-Метатрону, а номер сотового телефона регулярно менялся.

Никто из милицейских, армейских и кагэбэшных ветеранов никогда прежде не пересекался с ним по службе и, более того, даже не слышал о человеке с такой фамилией. (Сразу возникла легенда, что «Горемыкин» это вовсе и не фамилия, а нечто вроде псевдонима, присваиваемого агентам внешней разведки, засветившимся на нелегальной работе.)

На людях Горемыкин вёл себя как Штирлиц в фашистском логове: не допускал ни малейшего упоминания о прежней жизни, посторонних разговоров по телефону не вёл, отказавшись от услуг персонального водителя, сам управлял служебной машиной, семейные фото на письменном столе не держал и в отношениях с белокурым секретарём не позволял себе никаких вольностей.

Короче говоря, это был человек без биографии. Живая загадка. Укор болтунам и ротозеям.

В связи с отсутствием прямых и неоспоримых сведений приходилось полагаться на косвенные.

Возраст Горемыкина на глаз определили в сорок пять—пятьдесят лет (мужчины давали больше, женщины меньше). В его арийском происхождении выразил сомнение только эксперт-почерковед Шиллер, заявивший, что одно из пропавших колен Израилевых, а именно потомки Симеона, сплошь состояло именно из таких вот сероглазых и поджарых шатенов.

Манера завязывать галстук и привычка носить на лацкане пиджака значок с патриотической символикой могли свидетельствовать о причастности Горемыкина к комсомольской работе, а завидная выправка и чёткая речь выдавали в нём бывшего военного.

Специфическая форма ушей указывала на пристрастие к спортивным единоборствам, а литературные, исторические и мифологические аллюзии, частенько уснащавшие речь, – на известную интеллигентность.

Впрочем, одна незначительная на первый взгляд деталь – загадочная татуировка у основания большого пальца правой руки – ставила под сомнение все вышеуказанные предположения. По одной версии, это был символ наивысшего положения в тюремном мире, по другой – масонский знак.

Таким образом, какое-нибудь конкретное мнение о Горемыкине так и не успело сложиться.

Сразу после назначения на должность, когда от нового начальника ждали неизбежных в таком случае кадровых перетрясок и служебных репрессий, он заранее прослыл деспотом и самодуром. Впоследствии, когда ничего этого не случилось и за сотрудниками отдела были сохранены все их маленькие привилегии, включая ежечасные чаепития, постоянные перекуры и некоторое пренебрежение к вопросам бдительности, Горемыкина стали заглазно укорять в либерализме и излишней мягкости.

Воистину на каждый чих не наздравствуешься и всем одинаково мил не будешь.

В чём Горемыкина уж точно нельзя было упрекнуть, так это в излишнем самомнении или, иначе говоря, в амбициозности. Он не пытался разъяснять следователям тонкости Уголовно-процессуального кодекса и не преподавал экспертам правила проведения эксгумации, а в основном ограничивался общими указаниями, передаваемыми к тому же через заместителей или незаменимую Людочку.

И вообще, его личное общение с подчинёнными было сведено до минимума, как при дворе китайских императоров. Вот почему вызов к начальнику отдела, да ещё в столь раннее время, был событием экстраординарным.

– Как здоровье? – поинтересовался Горемыкин после того, как Донцов доложил о своем прибытии и пожал протянутую через стол начальственную руку.

«Кто-то уже успел настучать», – подумал Донцов и с напусковой бодростью ответил:

– В порядке.

– Не жалуетесь, значит... – произнёс начальник с неопределённой интонацией.

– Кое-какие жалобы, конечно, есть, – замялся Донцов. – Вот собираюсь через недельку на обследование лечь.

– В наш госпиталь?

– Ещё не знаю... – Дабы избежать испытывающего взгляда начальника, Донцов покоился на развешенные в простенках благодарственные дипломы и почётные грамоты. – Вряд ли в нашем госпитале имеется специалист нужного профиля.

Начальник тактично не стал уточнять специализацию врача, в услугах которого нуждался Донцов, хотя мог бы наверное пошутить насчёт психиатра или нарколога. Вместо этого он задумчиво повторил:

– Через недельку, значит...

– Именно, – подтвердил Донцов.

– А почему, скажем, не завтра? Здоровьем пренебрегать не стоит.

– Дела надо закончить, как положено.

– Сколько их у вас?

– Пять. Но три уже почти готовы. Дождусь результатов экспертизы, возьму несколько объяснений, и можно нести на подпись прокурору.

– Я полагаю, что ваши дела может закончить и кто-нибудь другой. Цимбаларь, например. – Начальник полистал перекидной календарь, словно бы искал какую-то памятную отметку. – А вам мы пока поручим одно совсем простенькое дельце. За неделю как раз и управитесь. А потом отдыхайте на здоровье. В смысле ложитесь на обследование.

Начальник как всегда говорил благожелательно-ровным тоном, и в его ясных глазах нельзя было прочесть ничего такого, что могло бы посеять в собеседнике даже тень сомнения.

Впитывая и регистрируя абсолютно всё, эти глаза ничего не пропускали обратно, во внешний мир. «Прямо не глаза, а какие-то полупроводниковые диоды», – подумал Донцов.

Сразу напрашивалось и следующее сравнение – обладатель этих глаз не человек, а замаскированный под человека робот. Недаром ведь говорят, что Горемыкин при желании способен обмануть даже полиграф, то бишь детектор лжи. Конечно, машина с машиной всегда сговорятся.

– Почему вы молчите? – Начальник опустил взор на полированную столешницу, в которой его лик отражался как в зеркале. – Вас что-то не устраивает?

– Даже не знаю, что и ответить... Озадачили вы меня, товарищ полковник.

Донцов, разумеется, понимал, что в предложении Горемыкина таится какой-то подвох (с каких это пор начальники, ратуя о здоровье подчинённых, стали разгружать их от служебных дел?).

Но вот только какой?

Неужели на него хотят свалить верный «висяк», который не то что за неделю, но и за год не раскроешь? Да только зачем? Мальчиков для битья в отделе и так хватает. Или начальник надеется, что прокурор, учитывая болезнь следователя, согласится продлить заведомо просроченное дело? Ну прямо чудеса какие-то.

То ли Горемыкин почуял сомнения Донцова, то ли был заранее готов к ним, но его следующий словесный пассаж был исполнен уже несколько в ином духе:

– Дело действительно простое. Тут никакого подвоха нет. Простое и в то же время неординарное. Кондакову, к примеру, я его поручить не могу. Опыт у него, несомненно, есть, да кругозор узок. Ещё надорвется. У Цимбаларя, наоборот, кругозор широк, даже чересчур, но опыта не хватает. Может дров наломать. А вы подходите по всем статьям... Тем более что на вас поступила персональная заявка, – последнюю фразу Горемыкин произнёс с нажимом.

– Я что-то не понимаю. Какая заявка? – удивился Донцов. – Разве мы уже по вызову работаем? Как гостиничные проститутки?

– Потом поймёте... – Начальник еле заметно поморщился. – Хочу только напомнить, что вы сами напросились в наш отдел, мотивируя это тем, что заурядные дела типа пьяных драк и самоубийств на почве ревности вам изрядно поднадоели. Не так ли? Вот и получайте незаурядное дело.

Просьба такая действительно когда-то имела место, но была высказана в устной форме и без свидетелей человеку, который умел держать язык за зубами. Горемыкин по идее знать о ней не мог. Но ведь знал же!

Рано, значит, говорить о том, что наши доблестные органы утратили контроль над обществом. Лапу с пульса этого общества они, может быть, и убрали, но стетоскопом и другими подручными средствами пользуются на всю катушку.

– А что это за дело? – осторожно поинтересовался Донцов, понимая, что просто так его отсюда не отпустят.

– Убийство, – произнёс Горемыкин со вздохом и, упреждая возможные возражения Донцова, тут же добавил: – Да, внешне всё выглядит как обычное убийство. Но что за этим стоит, знает один только бог. Возможно, как раз ничего и не стоит... Это был бы для нас самый лучший вариант.

С подобным трюизмом нельзя было не согласиться, и Донцов охотно поддакнул:

– Это уж точно.

– Но, как говорится, надейся на лучшее, а готовься к худшему, – этой загадочной фразой начальник как бы ставил под сомнение своё собственное недавнее заявление о «простеньком» дельце. – Что вас ещё интересует?

Горемыкин мог бы давно отослать Донцова, пожелав успешного расследования, не в его правилах было рассусоливать с подчинёнными, но сегодня на него, как видно, стих нашёл. Грех было не использовать столь редкий случай с максимальной пользой.

– Меня всё интересует, – сказал Донцов. – А в первую очередь, кто убит и где это случилось.

– Место преступления не совсем обычное. Это частная психиатрическая клиника, где находятся на излечении пациенты с редкими формами душевных заболеваний. Одних там лечат, а за другими просто наблюдают. Можно сказать, что это своеобразный научно-исследовательский центр... Так вот, один из пациентов клиники, длительное время находившийся в коматозном состоянии, внезапно скончался. Установлено, что причиной этому послужило отключение аппарата искусственной вентиляции лёгких. Причём отключение умышленное.

– Где находился медперсонал?

– Там, где ему и положено находиться. Дежурный врач в приёмном покое, а медсестра на посту наблюдения, буквально в десяти шагах от злополучной палаты. Забыл сказать, что это случилось ночью.

– Стало быть, никого из посторонних на тот момент в клинике не было?

– Нет, только пациенты, медперсонал и охрана. Повторяю, это частная клиника, и за режимом там следят строго.

– Тогда я не вижу в этом деле никаких особых проблем, – осмелел Донцов. – Ясно, что без участия работников клиники тут не обошлось. Допросить их всех подряд, и кто-нибудь обязательно расколется. В крайнем случае пропустить через полиграф. Зачем ему без толку простаивать? Одновременно надо разобраться с мотивами преступления. Покойник мог владеть солидными сбережениями или недвижимостью. В этом случае надо вплотную браться за потенциальных наследников. Не понимаю, где здесь что-то незаурядное. Наоборот, всё очень ясно. Любой участковый разберётся.

– Не спешите. – Горемыкин оторвался от созерцания столешницы и метнул на Донцова короткий, жёсткий взгляд: не зарывайтесь, мол, майор. – Несуразность этого дела заключается хотя бы в том, что одноместная палата, где произошло убийство, была с вечера заперта на замок, ключ от которого находился пятью этажами ниже, под надзором дежурного врача и охранника. Никто из них наверх не поднимался. Для этого пришлось бы миновать ещё по крайней мере три поста и везде засветиться. Что касается медсестры, на которую, согласно вашей логике, падает основное подозрение, то ей перевалило за пятьдесят лет. Тридцать из них она проработала в клинике и пользуется безукоризненной репутацией. Я понимаю, что в жизни случается разное, но на роль киллера эта тётка явно не тянет. В палате имеется окно, однако оно оборудовано надёжной решёткой, сквозь которую только кошка пролезет. Да и само окно, судя по всему, было закрыто. Не лето ведь.

– Загадка запертой комнаты, – произнёс Донцов задумчиво (перечить начальнику, пусть даже в мелочах, у него охота пропала). – Весьма распространённый сюжет в детективной литературе.

– Мне детективы читать некогда. Мне и ваших творений вполне хватает. – Горемыкин кивнул на пухлую папку с многочисленными закладками, судя по всему, какое-то старое дело, доставленное из архива. – Сами понимаете, что жизнь иногда подкидывает такие загадки, что беллетристы могут отдыхать.

– Интересно, а почему про это убийство в сводках не было? Когда это случилось?

Спрашивал Донцов просто так, без всякой задней мысли, но начальник его буквально оgoroшил:

– Три дня назад.

– Ничего себе! – Донцов даже заёрзал на стуле. – Да ведь там уже никаких улик не сыщешь. Ни отпечатков пальцев, ни следочка. Такие дела у нас тухлыми называются. Что ж так поздно сообщили?

– Сие уже от меня не зависит. – Кто-то другой при этом развёл бы руками, а Горемыкин только растопырил пальцы веером.

– Какие-нибудь специалисты туда выезжали?

– Территориалы выезжали. Следователь и эксперт. Составили протокол осмотра места происшествия. Допросили, кого смогли. Кое-какие вещдоки изъяли.

– В прокуратуре дело возбуждено?

– Пока нет. Сами понимаете, что повод-то мизерный. Скончался человек, и так долгое время находившийся между жизнью и смертью. Фактически полутруп. Родственники с ним отношений давно не поддерживали. Отказались, можно сказать. Какими-либо сбережениями или имуществом покойник не обладал. Это я к тому, что корыстные мотивы преступления отпадают. Перспектив у дела никаких. И это на фоне повсеместного роста уголовной преступности. Следственная группа прокуратуры не успевает на тяжкие преступления выезжать. Кому охота поднимать шум из-за такой ерунды?

– А то, что мы с вами обсуждаем здесь это убийство – разве не шум?

– Мне так не кажется, – голос начальника вдруг обманчиво потеплел. – Считайте, что мы с вами просто шушукаемся. Как кумушки возле подъезда. Ясно?

– Ясно, – Донцов невольно подобрался. – Не первый год замужем.

– Вот и прекрасно. Рад, что между нами установилось взаимопонимание. Теперь хочу внести в этот вопрос окончательную ясность. Клинику возглавляет один очень известный и влиятельный человек. Безоговорочный авторитет в своих кругах. Доктор наук, профессор, лауреат и так далее. В своё время он оказал правоохранительным органам немало ценных услуг. Да и сейчас продолжает оказывать. То, что в Институте имени Сербского приходится ждать месяцами, он у себя может сделать за пару дней. Убийство, случившееся в клинике, профессор воспринял весьма болезненно. Лишняя огласка ему, естественно, не нужна, но в раскрытии преступления он почему-то кровно заинтересован. Впрочем, эта сторона вопроса нас не должна касаться... Не знаю, из каких источников ему стало известно о существовании нашего отдела, но просьба поступила непосредственно в главк. Причём с конкретным указанием следователя, которого он хотел бы у себя в клинике видеть. То есть майора Донцова Геннадия Семёновича. Из главка мне перезвонил заместитель начальника, курирующий наш отдел. Никаких отговорок он, естественно, не принял бы. Формула у них там одна: «Немедленно приступить к исполнению». Колесо уже закрутилось. Вас привлекли бы к расследованию в любом случае, даже если бы ради этого пришлось отозвать из отпуска.

– Почему же они, такие деловые, три дня тянули? Надеялись, что покойник воскреснет?

– Кто их, психиатров, знает. Возможно, хотели разобраться во всем самостоятельно. Или надеялись на территориалов.

– Как же, помогут им территориалы... У них на каждого следователя по тридцать дел.

– Тогда придётся нам отдуваться... То есть вам, – поправился Горемыкин.

– Как я понимаю, работать придётся на результат, а не на протокол.

– Можно сказать и так. Укажите нам преступника, а о формальностях не беспокойтесь. Чует мое сердце, что в суд это дело не пойдёт. Но только, чур, никаких кровопролитий. Это одно из неперемных условий, поставленных перед нами. Преступник нужен живым.

– На какую помощь я могу рассчитывать?

– На любую. Отказа вам ни в чём не будет. Задействуйте экспертов, дознавателей, оперов, наружку. Соответствующие распоряжения старшим служб я уже отдал. Территориалов тоже напрягайте. Они хоть и туго соображают, зато местную публику знают. Но не упускайте один важный нюанс. Привлекая помощников к разработке отдельных деталей дела, никого не посвящайте в главное. Особенно на заключительном этапе расследования, когда станут вырисовываться фигуранты. Все нити должны быть сосредоточены в ваших руках.

– Как будет с транспортом? – заранее приготовившись к отказу, осведомился Донцов (в отделе это был самый больной вопрос). – Такое дело, сидя в кабинете, не раскроешь. Свидетелей придётся по месту жительства допрашивать, без повесток.

– Вы же сами знаете, какое у нас положение с транспортом. – Горемыкин вновь картинно растопырил пальцы, и Донцову даже показалось на мгновение, что начальник собирается преподнести ему две полновесные дули. – Половина машин в ремонте, остальные всё время в разгоне. Придётся пользоваться услугами такси или частников. Так и в смысле конспирации надежней будет... Средства, выделенные вашей службе на оперативные расходы, ещё остались?

– Давно уже кончились, – вынужден был признаться Донцов, который, как человек временно непьющий, тех денег и в глаза не видел. – Да разве это средства. Слезы одни.

– Странно, – Горемыкин недоумённо приподнял брови. – Ведь квартал ещё только начался. Тут пахнет финансовыми злоупотреблениями. Надо будет при случае навести порядок в этом вопросе... Ладно, напишете заявление на материальную помощь. Двух окладов вам на первое время должно хватить. А потом что-нибудь придумаем.

– Вы мне адресочек клиники не забудьте сообщить, – напомнил Донцов.

– Всё в свое время. Прошу, – начальник протянул ему квадратик глянцевого картона, украшенный серебристыми виньетками. – Здесь и адрес клиники, и фамилия человека, с которым вы будете там контактировать.

Это была визитная карточка, принадлежавшая некоему Алексею Игнатьевичу Шкурдюку, заместителю главного врача по общим вопросам, короче говоря, завхозу клиники.

Сама же клиника располагалась совсем недалеко, километрах в пяти от здания отдела. Донцов почти ежедневно проезжал мимо неё и даже не мог предположить, что в этом солидном здании, похожем на иностранное посольство, содержат психов с редкими формами душевных расстройств.

Всё это, конечно, было хорошо, но вот только с визиткой у начальника вышла небольшая промашка. Получалось, что о загадочном убийстве он знал не только со слов заместителя начальника главка. Ходок из клиники здесь уже успел побывать, иначе откуда бы взялась новенькая, ещё пахнувшая типографской краской карточка.

Этим, наверное, и объяснялась осведомлённость Горемыкина о некоторых деталях преступления. Но почему тогда он ни словом не обмолвился о визите этого самого Шкурдюка? Что ещё за тайны мадридского двора! Отсутствие откровенности всегда порождает подозрения.

Впрочем, эти крамольные мысли сразу угасли, едва зародившись. Глупо было бы ожидать от Горемыкина абсолютной искренности. Начальство для того и существует, дабы скрывать от подчинённых истинное положение вещей, чаще всего плачевное. А иначе как заставить коллектив ломать горб над какой-нибудь очередной совершенно непродуктивной затеей?

Так в нашем отечестве повелось издревле, и вряд ли этот принцип мог измениться в будущем. Требовать от начальника голой правды было то же самое, что гладить ежа. Занятие бессмысленное и неблагодарное. К этому тезису Донцов привык давно. Привык и смирился.

– И всё же поделитесь секретом, откуда у вас такой авторитет среди психиатров? – с определённой дозой лукавства спросил вдруг Горемыкин.

– Ума не приложу, – ответил Донцов. – Я с этой публикой даже на уровне районной поликлиники никогда не общался. А про светил всяких и говорить нечего. Наверное, кто-то со стороны посоветовал.

– Всё может быть, – сказано это было таким тоном, что Донцов сразу понял: аудиенция окончена.

– Разрешите идти? – Он слегка приподнялся на стуле.

– Идите, – кивнул Горемыкин. – И помните, никакой огласки. Никаких силовых действий. Никакой самостоятельности. Ваш принцип – не обезвредить, а выявить...

Глава 3

Клиника снаружи

Вернувшись из казённой роскоши девятого этажа в свой скромный кабинет, Донцов паче чаянья застал там Кондакова – насквозь вымокшего и злого, как схимник, которому в Великий пост подсунули скоромную пищу.

Мало того, что нынешняя работа никак не соответствовала характеру следственного эксперимента, для которого требовались ясный летний день, неограниченная видимость и абсолютно сухая мостовая, так и тюремное начальство подвело: вместо фигурирующего в деле подследственного прислало его однофамильца.

Едва коллеги успели обменяться первыми репликами, как в кабинет заглянул Цимбаларь, всё это время мучившийся от любопытства.

– Ну, рассказывай, зачем тебя шеф вызывал, – без долгих околичностей поинтересовался он. – Неужели на новую должность примеряют?

(Слух о грядущих кадровых рокировках давно циркулировал в кулуарах отдела, и прогнозируемое знатоками выдвижение Донцова вполне соответствовало шкурным интересам Цимбаларя – тогда он смог бы претендовать на освободившуюся должность старшего следователя).

– Увы, Саша, вынужден тебя разочаровать, – ответил Донцов. – Начальник интересовался исключительно нашим финансовым положением. Как, спрашивал, идёт расходование средств, выделенных на оперативные нужды. Сколько денег истрачено и на какие конкретно мероприятия. Сколько осталось. Не намечается ли экономия.

– Ну и что ты ему сказал? – насторожился Цимбаларь, не всегда отличавший дружеский розыгрыш от суровой правды.

– Слукавил, естественно. Взял грех на душу. Всё, говорю, в полном ажуре. Казённых средств истрачена малая толика, и на каждый рубль имеется соответствующим образом оформленный документ. Экономия ожидается, но не очень большая. Так примерно в пределах десяти процентов.

– И он поверил? – Надежда всё ещё теплилась в душе Цимбаларя.

– По крайней мере сделал соответствующий вид. Похвалил и даже пообещал внедрить наш передовой опыт в работу других служб. Для изучения и обобщения этого опыта завтра к нам наведается начальник финчасти. Так что готовьтесь к ревизии.

– Врёшь, наверное, – неуверенно произнёс Цимбаларь. – На понт берёшь.

– Зачем мне это? Мог бы поклясться, да не могу. Нечем клясться. В бога не верю, детей у меня нет, партбилета тоже, здоровья тем более. Офицерской честью клясться не имею права, поскольку у жандармов и иже с ними таковой не предполагается.

– Что же делать? – Цимбаларь вопросительно глянул на Кондакова. – Посоветуйте, Петр Фомич.

– Я здесь ни при чём, – поспешно отмежевался Кондаков. – Ты за эти деньги расписывался, тебе и отвечать.

– Но ведь водку мы пили вместе! – голос Цимбаларя трагически зазвенел.

– Откуда я мог знать, на какие деньги ты эту водку покупал, – возразил Кондаков. – Может, ты их в лотерею выиграл.

– Но я ведь деньги из служебного сейфа в вашем присутствии брал!

– А вот этого не надо. Это не довод. Когда кто-нибудь в сейф лезет, я, между прочим, глаза закрываю. Из соображений конспирации. С молодых ногтей к этому приучен.

– Эх вы, чекисты! – Цимбаларь горько скривился. – Теперь понятно, почему вас цээрушники по всем статьям обставили. Деликатные вы очень. Привыкли к позе страуса. Чуть что – и сразу в кусты. Мол, моя хата с краю.

– Не путай божий дар с яичницей! – Кондаков погрозил чересчур обидчивому коллеге пальцем. – Что у тебя в конце концов случилось? Оперативные средства раньше срока улетучились? Нашёл, понимаешь, проблему. Она вечная, как вечны спецслужбы. Даже граф Бенкендорф, будучи начальником Третьего отделения, казённые средства транжирил. А уж про наших оперативников я и не говорю. У них это как профессиональная болезнь... Послушай сейчас одну историю и сделай соответствующие выводы. В семидесятые годы сильная борьба с валютчиками шла. Считалось, что это именно они подрывают советскую экономику. Шутка ли, вместо шестидесяти восьми копеек платят за поганый доллар целую трешку. Преступление воистину тяжкое. Некоторых за него и к стенке ставили. Так вот, имели мы в то время в разработке одну бабу-валютчицу. Ловкая, стерва, под администратора «Интуриста» работала. Всякие там бундесы или штатники ещё с самолётного трапа сойти не успели, а она уже тут как тут. Меняйте, говорит, господа, свою зарубежную валюту на полновесные советские рубли. Но при случае и фарцовкой не гнушалась. Любое шмотьё брала, начиная от нейлоновых трусов, кончая норковыми шубами. В крайнем случае оказывала туристам сексуальные услуги, причём в любой форме, даже самой извращённой. Многостаночница, короче говоря. И что самое интересное, любители на неё находились. Хотя страшна была, как баба-яга... В общем, прихватили мы её однажды прямо на деле. Доставили в контору, обыск чин чинарём произвели. Только нет при ней ничего компрометирующего. Пять рублей денег да всякие бабские причиндалы. А по оперативным данным, при ней должна была находиться весьма крупная сумма. Сбросить её она никак не могла. Перещупали все швы на одежде, вспороли подкладку, оторвали подмётку на сапогах. Ничего нету! Пусто. Остаётся одно место, в которое ушлая баба может ценности спрятать. Но я сам, к примеру, в это место не полезу. Закон запрещает, да и противно. Пришлось из соседней поликлиники гинеколога вызывать. Профессионалка, она и есть профессионалка. Ростом два вершка, а с этой профурой за пять минут расправилась. Ноги ей силой раскорячила и деньги, свернутые в трубочку, из причинного места извлекла. Составили мы, значит, все надлежащие документы, преступницу в следственный изолятор поместили, а деньги до суда в сейф. Как вещественное доказательство. Вид у них такой, что трогать боязно. Кошелёк бракованный оказался, с сильной протечкой. Но вот проходит какое-то время, и оперативные деньги кончаются. Вроде как у нас сегодня. До получки ещё, страшно сказать, месяц. А агентство даром работать отказывается. Развращена мелкими подачками. При каждой встрече требует минимум на бутылку с закуской. Что нам оставалось делать? Правильно, пренебречь принципами и элементарной брезгливостью. Каждый день я открывал сейф, надевал резиновые перчатки и пинцетом изымал из свертка нужную сумму. Денег мы старались не касаться и тут же заворачивали их в обрывок газеты. Так целый месяц и продержались. Потом с получки всё до единого рубля возместили, причём купюрами аналогичного достоинства. А теперь мораль сей басни: вещественные доказательства, даже извлечённые из срамного места, могут иногда принести неоценимую пользу.

Выслушав эту поучительную историю, Цимбаларь отнюдь не воспрянул духом.

– Вы, похоже, предлагаете мне переквалифицироваться в гинеколога и устроить массовую проверку этих самых срамных мест? – холодно осведомился он. – Вдруг в одном из них кто-то забыл сверток с деньгами?

– Саша, срамное место попало в мой рассказ совершенно случайно, – вполне дружелюбно пояснил Кондаков. – Я речь про вещдоки вёл. Сходи к экспертам, у них фальшивых денег мешки накопились. За пузырь они тебе хоть сто тысяч на время уступят. Ведь наш

начфин слепой, подорвал зрение, составляя балансы. Он фальшивую банкноту от настоящей ни за что не отличит. Вот и перезимуем.

– Это, конечно, мысль. – Цимбаларь слегка задумался. – Хоть и связанная с определённым риском.

– А кто сказал, что наша работа не связана с определённым риском. Про это даже в песнях поётся. Наша служба и опасна и трудна... – безбожно перевирая мотив, затянул Кондаков.

– Перерасход средств – это одно, а сознательный обман ревизора, да ещё связанный с фальшивыми деньгами, совсем другое, – сомнения разьедали душу Цимбаларя, как денатурат разъедает печень. – Тут сроком пахнет.

– Не тужи. Оформим тебе явку с повинной, добровольное сотрудничество с органами следствия тоже зачтётся, срок получишь условный и сразу пойдёшь под амнистию, – заверил его старший товарищ. – Но это в самом крайнем случае. Если у начфина вдруг зрение на сто процентов восстановится. Так что рискнуть стоит.

– Ладно, ребята, не всё так плачевно, как это кажется. – Донцов решил, что его невинная на первый взгляд шутка зашла слишком далеко. – Каюсь, я немного перегнул. Про то, что с расходом оперативных денег у нас не всё в порядке, начальник действительно знает. Но ревизии бояться не надо. Вероятность её ниже колена. Вся бухгалтерия в запарке, годовой отчёт выправляют. Если же ревизия в самом деле случится, предъявите вот эти бабки. – Он честно разделил деньги, только что полученные в кассе отдела, на две примерно равные части. – Только учтите, я вам их не дарю, а лишь уступаю во временное пользование.

– Мог бы и не предупреждать, – обрадовался Цимбаларь. – С ближайшей полочки обязательно вернём. Только откуда у тебя столько? Вчера ведь на сигареты не хватало. Взятку отхватил?

– Ага, но в завуалированной форме. – Донцов стопкой сложил перед собой папки с незавершёнными делами. – Деньги мои вы поделили, а теперь делите моё следственное хозяйство. Только Ярошевича не забудьте.

(Такую фамилию носил четвёртый следователь, сосед Цимбаларя по кабинету, сегодня опоздавший на работу.)

– Ты что, серьезно? – чуть ли не хором воскликнули оба коллеги.

– Абсолютно серьезно. С завтрашнего дня ухожу в свободный поиск.

– Вот так сюрприз... – Кондаков стал перебирать папки, выискивая себе какое-нибудь дело попроще. – Ты ведь вроде собирался на следующей неделе в больницу лечиться?

– Лягу. Но сначала надо кое-какие вопросы утрясти.

– Если нужна будет помощь, обращайся, – великодушно предложил Цимбаларь.

– Как-нибудь сам справлюсь... Вы мне лучше вот что скажите. Кто знает клинику для душевнобольных, что на улице Сухой расположена?

– Ну я знаю, – сказал Цимбаларь после некоторой заминки. – Частное заведение. Там иностранцев за денежки лечат. А нашего брата держат для опытов. Вместо обезьян.

– Спасибо за информацию. Но это общие слова. Хотелось бы услышать что-нибудь конкретное.

– Конкретного ничего нет. Посторонним туда лучше не соваться. Охрана такая, что круче её во всем городе нет. Там если что и случится, никто не узнает. Фамилия у главврача странная... Не то Котов, не то Бегемотов.

– Котяра его фамилия, – уточнил Кондаков. – Только ты, Семёныч, с ним лучше не связывайся. Он в самые высокие кабинеты вхож. С министрами за руку. Наверное, лечит их от разжижения мозгов и хронического дебилизма.

– Не собираюсь я с ним связываться, – ответил Донцов. – С чего это вы взяли?

– Мало ли что, – пожал плечами Кондаков. – А если у тебя с психикой проблемы, я могу адресок одной бабки дать. Лечит исключительно травами и заговорами. Одного моего знакомого от шизофрении излечила. Он себя африканским львом воображал. Рычал и даже кусался. А теперь, и то изредка, кошечкой мяукает и ко всем ластится. Ремиссия налицо.

– Вам, Петр Фомич, самим бы надо подлечиться, – ляпнул зловредный Цимбаларь. – А то мните себя генералом, хотя в натуре даже на прапорщика не тянете.

– Типун тебе на язык! – немедленно отреагировал Кондаков. – Почему же ты, такой умник, ко мне, тупому прапорщику, за советами всё время обращаешься?

– А очень просто. Я внимательно слушаю вас и всё делаю наоборот. Иногда очень здорово получается.

Кондаков уже открыл было щербатый рот, чтобы достойно ответить на эту дерзость, но тут запикал внутренний телефон, и он по праву старшего взял трубку.

Как и обычно в таких случаях, Кондаков с достоинством произнёс: «Рассказывайте», – но тут же спохватился и перешёл совсем на другой тон, который Цимбаларь называл «подобострастно-казённым»:

– Подполковник Кондаков слушает... Да... Уже знаем... Дела распределили... Конечно, по справедливости... Нет, что вы, тянуть не будем... Где он сам? Уже ушёл. Попрощался со всеми и ушёл... Хорошо... Хорошо... Нет, на пенсию не собираюсь. Есть ещё порох в пороховницах... Будет исполнено... И вам также всего хорошего.

Вернув трубку на место, он многозначительно ткнул пальцем в потолок.

– Шеф тобой интересовался. Ушёл уже, спрашивает, или с вами чай гоняет. Если ты от него какое-то задание получил, то здесь не болтайся. Начальники любят, когда по их первому слову люди хоть в огонь, хоть в воду сломя голову бросались. Как собака за подачкой.

– Сломя голову у меня уже не получится, – сказал Донцов. – Но в чём-то вы правы. Надо побыстрее ковылять отсюда... Думаю, что скоро увидимся. Буду вам регулярно позванивать.

Время для начала расследования было не самое удобное – приближался обеденный перерыв. Сейчас каждый уважающий себя чиновник отправится в ближайшее кафе или просто запрётся на целый час в своём кабинете. Ищи тогда этого самого Шкурдюка, который, судя по всему, исполняет роль провожатого для тех, кто допущен к осмотру маленького тихого ада, официально именуемого психоневрологической клиникой, а в просторечье – дурдомом. Так сказать, Вергилий местного масштаба.

С другой стороны, клиника всемогущего профессора Котяры – это всё же лечебное заведение, а не какая-нибудь жилищно-эксплуатационная контора. Её персонал обязан быть всё время на стрёме. Как пожарные или менты. Если повезёт, можно даже застать сотрудников, дежуривших в ночь убийства.

Так думал майор Донцов, стоя с поднятой рукой у края тротуара (при приближении каждого очередного автомобиля приходилось проворно отскакивать назад, иначе вылетающая из-под его колёс смесь грязи, соли и ледяной воды грозила нанести гардеробу старшего следователя невосполнимый ущерб).

Первой на его красноречивый призыв отреагировала ухоженная казённая «Волга» с министерскими номерами – как видно, водитель подхалтуривал, пока шеф томился на каком-то служебном совещании.

О цене сговорились быстро. Несмотря на непогоду, желающих подработать было куда больше, чем желающих прокатиться с комфортом.

– Курить можно? – деликатно осведомился водитель.

– Кури, – разрешил Донцов. – Только музыку выключи.

– Не любите современную?

– Я шум не люблю.

– Зачем тогда в органы пошли работать? – всё время косясь на Донцова, водитель тем не менее успевал ловко маневрировать в потоке машин. – Пасечником бы устроились или лесником...

– Разве место работы у меня на лбу написано? Или мы уже встречались? – Совершенно заурядная физиономия водителя не пробуждала в Донцове никаких воспоминаний.

– Встречались, – сказано это было таким тоном, словно водитель сознавался в каком-то тяжком грехе.

– Почему так грустно?

– Воспоминание грустное... Нет, к вам, гражданин начальник, я никаких претензий не имею. Наоборот. Если бы не тот случай, я наверное, уже давно землю парил. А так появилась возможность подумать.

– Срок мотал?

– Нет. Год условно дали. Но в следственном изоляторе парашу понюхал... Вам на Сухой какой номер нужен?

– К клинике подъезжай. Вон проходная с красной крышей.

– На этой стороне остановка запрещена... Ну ладно, нарушим. Ведь не гумозника какого-нибудь везу.

– Тебя как зовут? – рассчитываясь с водителем, спросил Донцов.

– Толик, – ответил тот и тут же поправился: – Анатолий Сургуч.

– Сургуч... – хмыкнул Донцов. – Зачем мне твою кликуху знать.

– Это не кликуха вовсе, а моя законная фамилия. Забыли разве?

– Каюсь, забыл. Времени-то, надо полагать, порядочно прошло.

– Почти десять лет.

– Вот видишь... У меня к тебе, Толик, есть одна просьба. Вернее предложение. Ты в рабочее время свободен бываешь?

– Да почти всегда. Мой барин за целый день от силы два-три рейса делает. Кабинетный работник.

– Покатай меня с недельку. По разумным расценкам, конечно. Дел, понимаешь, много скопилось, и все в разных концах города.

– На служебной не проще будет?

– Было бы проще, я бы к тебе не обращался.

– Заметано, – согласился Толик Сургуч. – Вот вам номер моего мобильного. Если свободен буду, всегда подскочу.

Ещё одна визитка пополнила бумажник Донцова.

Клиника была окружена старинной оградой из чугунного литья. Хотя почти все его элементы представляли собой затейливые растительные узоры, по верху шёл частокол острейших пик, вид которых отбивал всякую охоту покушаться на неприкосновенность этой ограды.

Кроме ограды и густых парковых насаждений, территорию клиники охраняли ещё и молодые люди, которых с медицинскими работниками роднило, наверное, только одно качество – отсутствие страха перед кровью. Чужой, естественно.

Понимая, что здесь на дурика не проскочишь, Донцов представился по всей форме, однако его служебное удостоверение не произвело на охрану никакого впечатления.

– Ждите, – сказали ему с холодной корректностью. – Нужный вам человек пока занят.

Впрочем, это была хорошая весть. Алексей Игнатьевич Шкурдюк обретался где-то неподалёку, хотя мог бы и смыться, нарушив планы Донцова.

Ждать пришлось в крохотной, похожей на аквариум комнатке со стеклянными стенами. За полчаса, впустую потраченные на проходной, в клинику не наведалься ни единый посетитель, а к воротам не подъехала ни одна машина.

Всё это невольно настораживало, тем более что охранники соблюдали гробовое молчание и если уж общались между собой, то исключительно жестами, словно разведчики, находящиеся на вражеской территории.

Однако появление заместителя врача по общим вопросам сразу разрядило гнетущую обстановку. К проходной он не пришёл, а буквально примчался, как будто бы его здесь ожидал не суровый и въедливый следователь, а по крайней мере невеста.

– Ох, извините, – просипел он голосом, не то простуженным, не то пропитым. – Я вас с самого утра поджидал, а потом немного отвлекся. Заботы, знаете ли. Всё на моих плечах лежит, начиная от туалетной бумаги и кончая транспортом.

Донцов в корректной форме выразил надежду, что столь ответственная работа, наверное, и оценивается по достоинству.

– Куда там! – Шкурдюк резко взмахнул рукой, словно отметая все домыслы собеседника. – Гроши! Я на предыдущей работе куда больше получал. По тысяче баксов в месяц выходило.

– И где же в нынешние времена платят такие деньги? – рассеянно поинтересовался Донцов.

– Представьте себе, в разъездной концертной бригаде. Я по своим склонностям вообще-то администратор. Таковым в штатном расписании и числился. Но если надо, выходил на сцену.

– В каких же ролях? – Донцов окинул администратора оценивающим взглядом и пришёл к выводу, что тому лучше всего подошёл бы шекспировский репертуар: пьяница Фальстаф или проходимец Яго.

– Какие там роли! Разве мы драмтеатр? Разъездная бригада – это что-то среднее между эстрадой и цирком. Я и подпевал когда надо, и подтанцовывал, и скетчи рассказывал, и даже фокусы научился демонстрировать.

– Почему тогда на медицину переключились?

– Голос сорвал. – Он ладонью похлопал себя по горлу, словно предлагая выпить. – С таким фальцетом в артистических кругах делать нечего. Пришлось переквалифицироваться.

– А почему выбрали именно психиатрическую клинику?

– Случайно. Подлечивался здесь после гастролей, вот и остался. Вы, стражи порядка, гибнете от бандитских пуль, а мы, артисты, от непонимания публики.

Никто из сослуживцев Донцова не погиб от пресловутой бандитской пули (от лихачества за рулем и от водки – другое дело), тем не менее он сочувственно кивнул и спросил, оглядываясь по сторонам:

– Нравится здесь?

– А почему нет! Публика тихая. Искусством не интересуются. Спиртными напитками не злоупотребляют. К администрации относятся с уважением. На некоторых и не скажешь даже, что они больные.

«Надо будет его через информационно-поисковый центр проверить, – подумал Донцов. – Очень уж шустрый. И глаза стеклянные, как у наркомана со стажем. Артист, одним словом...»

Беседу подобным образом, они приблизились к клинике, состоявшей из комплекса зданий, на уровне второго этажа соединённых между собой застеклёнными галереями.

Первое здание, фасад которого был виден с улицы, являлось образчиком дореволюционного модерна, о чём свидетельствовали нарочито причудливые архитектурные формы, асимметричные оконные проёмы и крыша, похожая на шатёр хана Кончака.

Далее следовал выродок социалистического псевдоклассицизма, щедро украшенный монументальным порталом, помпезными колоннами и многочисленными барельефами, на которых чего только не было: и лавровые венки, и государственные символы, и обвивающие рюмку змеи, и скрепленные медицинские инструменты.

Этот эклектический триумвират завершала шестиэтажная коробка со стенами, щербатыми от осыпавшейся облицовочной плитки, с плоской крышей и ржавой пожарной лестницей – унылый памятник безвременья и застоя.

Каждое последующее здание объемом почти вдвое превосходило предыдущее, и их совместное созерцание наводило на грустную мысль о том, что по мере перехода от одной исторической эпохи к другой количество психов в нашей стране неуклонно возрастает.

– В каком корпусе это случилось? – принципиально избегая слова «убийство», спросил Донцов.

– Вон в том, самом последнем. – Шкурдюк пальцем указал на шестиэтажный параллелепипед. – Пятый этаж, третье окно слева.

Указанное окно ничем не отличалось от полусотни точно таких же окон-близнецов – голубенькие шторы, стандартная рама с облупившейся краской, простая, без всяких прикрас решётка.

Имелись, правда, и кое-какие индивидуальные особенности, которые не могли не заинтересовать Донцова: проходящая поблизости пожарная лестница и довольно широкий карниз, огибавший периметр здания как раз между четвёртым и пятым этажами.

Взобравшись вверх по лестнице (или спустившись по ней с крыши), можно было перелезть на карниз и по нему добраться до окна. Но это выглядело просто только в теории. Стену от лестницы отделяли полтора метра пустоты, а идя по карнизу, пришлось бы, как говорится, держаться за воздух.

На деле такой головокружительный трюк мог исполнить лишь опытный каскадер. Или циркач.

– Вам по проволоке не случалось ходить? – спросил Донцов у Шкурдюка.

– Никогда, – категорически заявил тот. – У меня даже на стремянке голова кружится. Вестибулярный аппарат пошаливает.

«По причине увлечения самогонным аппаратом», – хотел было пошутить Донцов, но сдержался.

Осматривать пожарную лестницу и карниз не имело никакого смысла. Если три дня назад там и были какие-нибудь следы, то ливший всё это время дождь давно их уничтожил. В наставлениях по криминалистике правильно сказано – место преступления желательно осматривать непосредственно после преступления.

– Почему у вас почти все форточки открыты? – Донцов присмотрелся к окнам клиники повнимательнее.

– Погода стоит теплая, а городская котельная жарит, как в самые лютые морозы. К батареям не притронуться. Вот пациенты форточки и открывают. Чтобы не задохнуться.

– Тем не менее один ваш пациент задохнулся. Правда, по совсем другой причине... Кстати, нужно установить, была ли в ту ночь открыта его форточка.

– Так это, наверное, отражено в протоколе, который ваши коллеги составили, – сказал Шкурдюк. – Они там целый час что-то писали.

– Вы когда новых пациентов к себе принимаете, анализам чужой больницы доверяете? Вижу, что нет. Всё по новой переделываете. Вот так примерно и у нас. Надеяться можно только на собственные глаза и уши.

– Хорошо, – произнёс Шкурдюк без особого энтузиазма. – Лично опрошу всех, кто накануне посещал палату. Врача, медсестру, техничку... Хотя при чём здесь форточка, если на окне решётка...

– А при чём здесь ваши замечания, если следствие поручено вести мне?
– Извините дурака! – спохватился Шкурдюк. – Ляпнул, не подумав.
– Ничего страшного... Сами-то вы что по этому поводу думаете?
– Мистика! – Шкурдюк сделал страшные глаза. – Осмыслению этот случай не поддается. Но лично я считаю, что без инопланетян здесь не обошлось. Или без астральных созданий.

– Неужели вы в эту чепуху верите?
– И не я один! Для чего тогда, спрашивается, ваш отдел создан?
– Могу ответить. Во всем, так сказать, массиве преступлений есть пять процентов, которые не поддаются раскрытию с помощью традиционных методов. Вот ими нам и приходится заниматься. Однако версии про инопланетян у нас заведомо не рассматриваются... Между прочим, а не вас ли я видел на днях в нашем отделе?

Вместо того чтобы сразу ответить на этот вполне невинный вопрос, Шкурдюк вдруг засвистел в два пальца и заулюлюкал. Целью этой психической атаки был здоровенный угольно-черный ворон, только что усевшийся на голую ветку ближайшего дерева.

– Достали меня эти твари! – Шкурдюк наклонился, отыскивая на земле какой-нибудь метательный снаряд. – Второй год с ними борюсь, и всё без толку. Недавно одному генералу прямо на фуражку нагадили.

Едва только Шкурдюк ухватил подходящий камень, как ворон сорвался с ветки и с хриплым карканьем улетел в глубь парка.

Заместитель главного врача по общим вопросам сразу успокоился, но Донцов свой последний вопрос повторять не стал.

Глава 4

Клиника изнутри

– Может, пройдем вовнутрь, – предложил Шкурдюк, лёгкая куртка которого не могла служить защитой от промозглого ветра.

– Сначала закончим внешний осмотр, – ответил Донцов. – Чтобы больше сюда не возвращаться... Как называется этот корпус? – Он кивнул на шестизэтажку, в которой некто, пока неизвестный, лишил жизни несчастного паралитика.

– Что-то я вас не совсем понял... – Шкурдюк слегка растерялся.

– На проходной нашего ведомственного госпиталя висит схема, где обозначены все здания. Например, кардиологический корпус, урологический корпус, морг и так далее. Здесь я такой схемы не видел. А в нашем деле необходима конкретность.

– Теперь понял. – Шкурдюк увял, расстроенный своей собственной недогадливостью. – У нас так, увы, не заведено. Да и госпиталь с клиникой нельзя сравнивать. Разные масштабы. У нас, как видите, всё компактно. Называйте это здание просто «третий корпус».

– Пусть будет по-вашему... Теперь, гражданин Шкурдюк, я задаю вам официальный вопрос. Каким путем можно проникнуть в третий корпус? Имеется в виду ночное время.

– Только через центральный вход. Но там всегда дежурит охранник.

– А с той стороны? – Донцов перевёл взгляд на застеклённую галерею.

– Там имеется раздвижная решётка. На ночь она запирается на навесной замок.

– Разве подобрать к нему ключи – проблема?

– Думаю, что не проблема. Но тогда сработает сигнализация.

– Понятно... Все окна первого этажа оборудованы решётками?

– Все, кроме столовой, – упреждая очередной вопрос следователя, Шкурдюк торопливо добавил: – Это служебная столовая, для персонала. Пациенты там не бывают. Понимаете ли, решётки у нас ставятся не против тех, кто хочет проникнуть вовнутрь, а против тех, кто хочет выйти наружу.

Для пущей наглядности он даже извернулся всем телом, изображая человека, преодолевающего некую невидимую преграду.

– Но, надеюсь, столовая оснащена сигнализацией? – Странно, но здесь, на холоде, Донцов чувствовал себя значительно лучше, чем пару часов назад в теплом кабинете.

– Непременно! – заверил его Шкурдюк. – Кучу денег на неё угрожали.

Ворон, скорее всего тот самый, тем временем вернулся, но уселся подальше от людей, на крышку мусорного контейнера.

Кряжистый, сутуловатый мужчина, до этого соскребавший со стены какую-то непотребную мазню, достал из кармана ломоть черного хлеба и швырнул его птице. Заместителю главного врача такая филантропия очень не понравилась.

– Аскольд Тихонович, вы опять за своё! Я неоднократно запрещал вам кормить этих стервятников! – хотя полноценный крик у Шкурдюка не получался, человек со скребком должен был обязательно его услышать.

Однако он никак не отреагировал на столь категоричное замечание и возобновил свою монотонную деятельность. Ворон, злобно каркнув на Шкурдюка, подхватил хлеб и скрылся с ним в неизвестном направлении.

– Кто это? – осведомился Донцов.

– Лукошников. – Шкурдюк болезненно поморщился. – Аскольд Тихонович. Наш дворник.

– А что он делает сейчас?

– Стену чистит, разве не видите. Какой-то мудака из баллончика размалевал. Растворителем пробовали – не берет.

– Интересно...

– Что тут интересного! В нашем доме все подъезды тем же манером испоганены. Убивать надо таких живописцев.

С этой плодотворной мыслью Донцов в принципе был согласен, но сейчас его занимало совсем другое – хулиганская мазня, на текущий момент уже почти уничтоженная, находилась прямо под окном злополучной палаты.

– Позовите сюда дворника, – попросил он.

– Понимаете ли... – замялся Шкурдюк. – Он слегка со странностями. Давайте лучше сами к нему подойдем.

– Давайте, коли так. Он случайно не из ваших бывших пациентов?

– Нет. Пенсионер. Подрабатывает здесь на полставки. Раньше, говорят, в немалых чинах ходил. Привык показывать характер.

Было заметно, что заместитель главного врача немного побаивается своего дворника.

– Здравствуйте, – сказал Донцов, подойдя к Лукошникову поближе. – Бог в помощь.

– Лучше бы сами помогли, – не оборачиваясь, ответил тот (голос был скрипучим, тон – недоброжелательным).

– Скажите, что здесь раньше было нарисовано?

– А я, думаете, понимаю? Круги какие-то, загогулины. Лучше у молодежи спросите. Или у того, кто малевал.

– И как давно эти художества появились?

– Давно, – усиленно работая скребком, ответил дворник. – Ещё с лета.

– Я это безобразие сразу хотел ликвидировать, – вмешался в разговор Шкурдюк. – Но Иван Сидорович почему-то не позволил.

– Кто такой Иван Сидорович? – поинтересовался Донцов.

– Наш главврач. Профессор Котяра.

– А сегодня, следовательно, разрешил.

– Более того, потребовал в категорической форме!

– Любопытно... Но меня, в общем-то, другое интересует. Взгляните, пожалуйста, на пожарную лестницу. – Донцов обратился к дворнику.

– Взглянул, что дальше? – Тот с видимой неохотой прервал свою работу.

– Нижняя ступенька отстоит от поверхности земли примерно на три метра. Как же на эту лестницу забраться?

– Зачем? По ней спускаться положено. Эвакуироваться то есть.

– Ну а всё же? – настаивал Донцов.

– Становись ко мне на горб, вот и дотянешься. – Дворник опять налёг на скребок.

– А если мусорный контейнер подтащить? Не так уж и далеко.

– Он доверху набит. С места не сдвинешь.

– И три дня назад был набит?

– И три, и четыре, и пять. Мусоровозка ещё в прошлую пятницу обещалась приехать. Сачкуют коммунальщики.

Одет Лукошников был довольно странно: плюгавая шапка-ушанка, ватная телогрейка, ватные штаны того же тюремного покрова, валенки с галошами. Где-нибудь в районе Воркуты такой наряд и мог бы считаться шиком, но для этой погоды и этого города никак не подходил.

Удивляла и внешность дворника. Лицо древнего старца, темное, как дубовая кора, сплошь иссечённое глубокими морщинами, с бровями, похожими на клочья серой пакли и

вывернутыми вурдалачьими губами, совсем не сочеталось с могучим, сохранившим завидную подвижность телом. Глядя в это лицо, хотелось спросить: «Аскольд, где брат твой Дир?»

– Когда здесь закончите, в гараже приберёте, – распорядился Шкурдюк. – Там кто-то смазочное масло разлил.

– Когда я здесь закончу, то к себе домой пойду. Чай с вареньем пить, – лениво процедил дворник. – Забыли разве, что мой рабочий день в два часа кончается.

Шкурдюк стерпел эту дерзость и как ни в чём не бывало обратился к Донцову:

– Ещё вопросы к Аскольду Тихоновичу имеются?

Вопросы, конечно, имелись, а именно: сколько лет стукнуло Аскольду Тихоновичу и где он приобрёл свои замашки короля в изгнании. Однако климатические условия к доверительному разговору никак не располагали, и Донцов решил, что проще будет получить эти сведения в отделе кадров клиники. Поэтому он ответил Шкурдюку:

– Пока нет.

– Внешний осмотр, я полагаю, окончен? – с надеждой в голосе поинтересовался тот.

– Предварительный окончен. Если возникнет необходимость, позже произведём и детальный. А теперь проводите меня вовнутрь.

Уже входя в двери «третьего корпуса», услужливо распахнутые Шкурдюком, Донцов помимо воли оглянулся.

Держа скребок на манер меча, Лукошников смотрел им вслед тяжёлым испытующим взглядом. В этом взгляде читалась давняя нелюбовь к людям, что, в общем-то, объясняло его противоестественное пристрастие к таким несимпатичным птицам, как вороны.

«Действительно, странный тип, – подумал Донцов. – Или они здесь, в психиатрической клинике, все такие. Как говорится, среда влияет».

Для того чтобы попасть из вестибюля на лестницу, требовалось преодолеть никелированный турникет, но, по мнению Донцова, которое он не преминул высказать вслух, особой нужды в этом техническом устройстве, более свойственном военным и транспортным объектам, чем медицинскому учреждению, не было – стоявший на вахте охранник мог перекрыть своим необъятным брюхом даже ворота феодального замка.

Толстяк в камуфляже, видимо, уже осведомлённый о визите следователя, подобострастно ухмыльнулся:

– Борьбой сумо занимаюсь. Весьма перспективный вид спорта.

– И как успехи?

– Пока не очень, – признался охранник.

– Что же так?

– Веса во мне ещё маловато.

– Ничего, вес дело наживное... А скажите, это не вы дежурили в ночь с пятнадцатое на шестнадцатое?

Вместо охранника ответил Шкурдюк:

– Нет, не он. Тот, кто дежурил, вас наверху ожидает. Я его с самого утра вызвал.

– Похвальная предусмотрительность, – вынужден был признать Донцов.

– На том и стоим. – Шкурдюк от похвалы следователя буквально расцвёл. – Всё заранее предусмотреть – моя обязанность. Я заодно и дежурного врача вызвал, и медсестру.

– Благодарствую. Это, конечно, сэкономит мне какое-то время. Но сначала я хотел бы заглянуть в палату.

– Какие вопросы! Но, может быть, сначала перекусим? Время подходящее, да и вид у вас какой-то... – Шкурдюк умолк, не докончив фразы.

– Какой? Голодный? – пришёл ему на помощь Донцов.

– Я бы сказал – недокормленный... – Шкурдюк потупился.

– По нынешним временам это комплимент. Все на диетах сидят. Кроме, конечно, борцов сумо... А за предложение спасибо. Но сначала покончим с делами.

Палата, в которой произошло загадочное убийство, была самой что ни на есть обыкновенной – дверь, окно, койка на колесиках, прикроватная тумбочка, стенной шкаф, лампа дневного света. К нехарактерным деталям можно было отнести вставленное в дверь толстое стекло, решётку на окне и не совсем обычного вида стол, на котором, судя по всему, прежде располагался аппарат искусственной вентиляции лёгких.

Постель была заправлена свежим бельём, шкаф и тумбочка опустошены, а сама палата не то что вымыта, а буквально выскоблена.

– Тут эта штуковина стояла? – Донцов кончиками пальцев постучал по столу.

– Совершенно верно, – подтвердил Шкурдюк.

– Почему убрали?

– Другому пациенту срочно понадобилась. Такие аппараты у нас в дефиците. А шланг ваши коллеги забрали. На экспертизу.

– Он был перерезан? Вы сами это видели?

– Не то чтобы перерезан, а скорее перебит. Чем-то тяжелым, но достаточно тупым. Вроде фомки. Так следователь сказал, который здесь был.

– Зачем было вообще этот шланг трогать? Не проще было просто выключить аппарат?

– Конечно, проще! Мы сами удивляемся.

На осмотр палаты ушло не больше четверти часа. Как и предполагал Донцов, никаких следов проникновения на дверях и окне не обнаружилось. Оставалось предположить, что убийца прошёл в палату сквозь стену.

Конечно, полагалось бы исследовать механизм замка, но скрупулезная экспертиза, включающая анализ микрочастиц, займёт неделю, а времени в обрез.

Да и при чём здесь замок! Интуиция, столь же обязательная для следователя, как и музыкальный слух для композитора, подсказывала Донцову, что разгадка убийства кроется не в неодушевлённых предметах, а в живых людях, которых он уже видел здесь или скоро увидит.

Как бы угадав его мысли, Шкурдюк извиняющимся тоном произнёс:

– Пора бы свидетелями заняться. С утра не евши, не пивши. Извелись. Потом отгулы с меня будут требовать.

– Ничего, я их долго не задержу, – сказал Донцов.

Люди, вызванные на допрос, сидели рядом на стульях возле кабинета Шкурдюка, и было их трое – лохматый парень богемного вида, наверное врач, стриженный наголо здоровяк, скорее всего охранник, и немолодая зарёванная женщина, ясное дело – медсестра, заранее раскаивающаяся в своих грехах.

Однако, когда дело дошло до представления свидетелей, всё оказалось несколько иначе. Волосатик был охранником, в свободное время увлекающимся буддийской философией, здоровяк – врачом, к тому же ведущим специалистом, медсестра плакала отнюдь не от угрызений совести, а от зубной боли, поскольку внезапный вызов на допрос не позволил ей сходить к стоматологу.

Само собой, что Донцов сначала занялся женщиной.

В клинике она работала уже давно, профессора Котяру знала ещё простым ординатором, а ныне дорабатывала последний перед пенсией год. Убиенный пациент, прозывавшийся, кстати говоря, Олегом Намёткиным (это были первые сведения, которые Донцов счел нужным занести в свою записную книжку), поступил в клинику примерно год назад. Первое время профессор с ним очень носился, а потом остыл, тем более что Намёткин, и до того почти полностью парализованный, впал в коматозное состояние.

На дежурство она заступила в двенадцать часов пятнадцатого числа, поставила Намёткину капельницу с глюкозой, опорожнила мочеприемник. Спустя примерно час, когда бутылочка с глюкозой опустела, она заперла палату, а ключ сдала на вахту. Больной в то время находился в своем обычном состоянии, аппарат искусственной вентиляции лёгких работал нормально, шланг был цел.

– Скажите, у вас все палаты запираются на ночь? – перебил её Донцов.

– Нет, только те, которые внесены в особый список, составленный лично главврачом, – ответила медсестра.

Далее она в деталях поведала о том, как прошло то памятное дежурство. В коридор, где находится палата Намёткина, никто не заходил, в этом можно не сомневаться – он начинается у поста медсестры, миновать который невозможно, а заканчивается тупиком.

Ночью сестра не спала, хоть верьте, хоть не верьте, зуб уже тогда давал о себе знать, а обезболивающее не помогало. Как и положено, в течение смены она несколько раз заглянула в палату через застеклённую дверь, но тусклый свет не позволял рассмотреть такие детали, как повреждённый шланг. Намёткин для своего состояния выглядел вполне прилично. Некоторые могут воспринять эти слова превратно, но иногда ей казалось, что пациент только симулирует кому, а на самом деле всё слышит, видит и понимает.

Утром палату открыла санитарка, которая собиралась делать уборку, и сразу подняла крик. Намёткин был мертв уже несколько часов и даже успел остыть.

Относительно того, была ли в палате открыта форточка, сестра сказать ничего не может, всякую мелочь не упомнишь. Никакого подозрительного шума она не слышала, да и услышать не могла – пациенты храпят, как кони, лифт грохочет даже ночью, сосед Намёткина шизофреник Касымбеков, возомнивший себя эмиром Тамерланом, буянил до самого утра.

Своей вины в случившемся она не видит, добавить по существу дела ничего не может, но предупреждает гражданина следователя, что никакого беззакония не стерпит, козлом отпущения становиться не желает и в случае нужды дойдёт не то что до министра, а до самого президента.

– Никто и не собирается делать из вас козла отпущения, – попытался успокоить её Донцов. – Не волнуйтесь и вплотную займитесь лечением зуба. А я постараюсь вас впредь не беспокоить. Всего вам наилучшего и пригласите, пожалуйста, сюда охранника.

– А почему не врача? – удивился Шкурдюк, присутствующий на допросе на правах хозяина кабинета.

– Врача оставим на закуску. К нему у меня больше всего вопросов. А вы бы пока лучше покормили золотых рыбок. – Донцов кивнул на вместительный аквариум, являвшийся единственным украшением кабинета. – Не хочу никого пугать, но любая посторонняя реплика, произнесённая во время допроса, может быть истолкована как давление на следствие, что влечёт за собой уголовную ответственность.

– Слушаю и повинуюсь. – Шкурдюк приложил палец к губам. – Отныне я буду нем, как эти рыбки.

«В идеальном варианте – ещё и глух», – подумал Донцов.

Охранник, хоть и был последователем буддизма, религии сопливой и умиротворённой, вёл себя довольно нервно и сразу заявил, что ничего полезного для следствия сообщить не может. Вечером ему сдала ключ медсестра, а утром забрала техничка, о чём имеются записи в соответствующем журнале. Об убийстве он узнал только за полчаса до окончания дежурства, когда в клинику прибыла милиция. В течение ночи никаких происшествий не случилось и сигнализация не сработала, хотя в плохую погоду такое случается.

Сам он на пятый этаж не поднимался, покойного Олега Намёткина никогда не видел, собственного мнения о причинах убийства не имеет, а в факте ухода из жизни, пусть даже

насильственном, не видит ничего трагического, поскольку это всего лишь ступенька на пути освобождения от сансары, то есть бесконечной череды перерождений, и достижения нирваны, состояния абсолютного и нерушимого покоя.

– Следовательно, вы не видите в человеческой жизни никакой особой ценности? – поинтересовался Донцов.

– За что же её ценить! – воскликнул охранник-буддист. – Каждая очередная жизнь есть лишь наказание за грехи предыдущей жизни. Блаженство может быть достигнуто только при условии перехода из материального мира в божественную пустоту. Я мог бы развивать эту мысль и дальше, но концепция абсолютного небытия чрезвычайно трудна для понимания постороннего человека.

– Где это вы здесь видите посторонних людей? – произнёс Донцов с укоризной. – Среди наиболее продвинутых адептов буддизма существует мнение, что каждое живое существо во Вселенной изначально является Буддой и перманентно пребывает в состоянии нирваны. Лишь наше личное неведение и душевная слепота мешают заметить это. Просветление может наступить в любой момент, для этого достаточно сломать привычные стереотипы бытия. Таким образом, все мы здесь присутствующие, включая золотых рыбок, мышей и тараканов, являемся частичками божественной пустоты, существами куда более близкими друг другу, чем родные братья. Я вижу, что вы желаете возразить, но к чему эти напрасные споры в преддверии вечности. А сейчас можете быть свободны и не забудьте пригласить следующего свидетеля.

Когда несколько озадаченный охранник покинул кабинет, Шкурдюк осторожно поинтересовался:

– А вы того... тоже буддизмом увлекаетесь?

– Нет, – ответил Донцов. – По долгу службы приходилось сталкиваться. Полное отрицание реального существования может, знаете ли, завести далеко за рамки, предусмотренные Уголовным кодексом.

Врач, появившийся с некоторым запозданием (видимо, выпытывал у охранника подробности допроса), был спокоен или очень умело таковым притворялся. Впрочем, с какой стати волноваться человеку, не чувствующему за собой никакой вины?

Сразу выяснилось, что в ту злополучную ночь он оказался на дежурстве совершенно случайно – пришлось подменить товарища, у которого возникли какие-то проблемы личного порядка. День выдался очень хлопотный, пациенты вели себя чрезмерно возбуждённо, наверное, погода сказывалась, поэтому он очень устал и где-то около полуночи уснул на диване в приёмном покое. Дежурным врачам это, кстати, не возбраняется – если случится что-то чрезвычайное, медсестра обязательно разбудит. Медсестра в больнице то же самое, что сержант в армии – главная надежда и опора.

При сдаче и получении ключей он не присутствовал и о том, покидал ли охранник свой пост, ничего определённого сказать не может. В шесть утра медсестра, дежурившая на пятом этаже, срочно вызвала его наверх и там сообщила о случившемся. Войдя в палату, он констатировал смерть Намёткина, причина которой была очевидна – порции воздуха одна за другой с шипением вырывались из повреждённого шланга.

По инструкции он обязан был первым делом доложить о происшествии главному врачу, а затем действовать согласно его указаниям. Но, поскольку профессор Котяра находился в отъезде, не оставалось ничего другого, как позвонить в милицию.

Лично он не сомневается, что это заранее спланированное и умело осуществлённое убийство, хотя, честно говоря, мотива для него не видит. Намёткин был человеком совершенно заурядным, давно утратил все связи с внешним миром и в силу своего физического состояния мог представлять интерес только для психиатров, поскольку страдал не только

параличом травматического происхождения, но и какой-то очень редкой формой душевного расстройства, сходного с шизофренией.

– Шизофрения – это, кажется, раздвоение личности? – уточнил Донцов.

– Не только. Клинические проявления этой болезни весьма разнообразны. Но в любом случае это глубокое и часто необратимое перерождение сознания, иногда приводящее к весьма любопытным результатам. Шизофреники совершили немало научных открытий и осчастливили человечество многими шедеврами искусства.

– Вы хотите сказать, что лечить шизофрению не всегда целесообразно?

– Нет, так вопрос не ставится. Подагра, кстати, также возбуждает творческие способности. Но это не повод воздерживаться от её лечения. Просто для думающего врача существует соблазн использовать болезнь в позитивных целях. Ведь талант, скажем прямо, это тоже отклонение от нормы. Найдите вирус таланта и станете нобелевским лауреатом. Между прочим, в нашей клинике занимаются не только лечением, но и научными исследованиями.

– Я что-то не пойму... Намёткина лечили или использовали вместо лабораторной крысы?

– Чего не знаю, того не знаю. У нас не принято интересоваться темами работы коллег, пока их результаты не будут опубликованы.

– Короче говоря, в жизни и смерти Намёткина могли быть заинтересованы только психиатры. И главным образом те, которые им занимались.

– Никто в нём не был заинтересован. Он был коматозником. Растением. Овощем. Всякая работа с ним прекратилась полгода назад.

– Зачем тогда вам нужны все эти проблемы с поисками убийцы? Дело бы благополучно заглохло на уровне райотдела.

– По нескольким причинам... Во-первых, убийца должен быть наказан в любом случае, вне зависимости от того, кто стал его жертвой – кумир масс или беспомощный паралитик. Разве не так?

– Согласно букве закона – так. Но многие люди думают иначе.

– Не важно. Многие люди думают, что земля плоская. Во-вторых, убийца как-то связан с клиникой. Не исключено, что это один из нас. Зачем ждать очередного сюрприза? Змею надо лишить жала... Впрочем, это моё личное мнение. У главврача могут быть и какие-то иные соображения.

Шкурдюк, которого такое заявление чем-то не устраивало, принуждённо закашлял и заёрзал на стуле. Донцов тем временем продолжал допрос чересчур умного врача:

– Скажите, а вам не показалось странным, что убийца перерубил шланг? Гораздо проще было бы выключить аппарат или снять с лица Намёткина дыхательную маску.

– Проще. Но со шлангом надёжнее. При очередном обходе медсестра могла легко заметить, что гармошка аппарата неподвижна или что маска отсутствует. А шланг остаётся как бы вне поля зрения.

– Резонно... Медсестра жаловалась, что в палате, соседствующей с палатой Намёткина, всю ночь буйствовал какой-то шизофреник. Это якобы не позволяло ей слышать подозрительные шумы. Нельзя ли было накачать этого горлопана транквилизаторами. И вам так было бы спокойнее, и ему.

– Если человеку приспичило опорожнить мочевой пузырь, он рано или поздно это сделает. Так и шизофреник в период обострения. Гормоны, провоцирующие приступ, уже циркулируют в крови. Агрессия ищет выход. Загнанная внутрь, притушенная, она отравит организм пациента. Приступ можно отсрочить, но ликвидировать невозможно.

– Это общепринятая точка зрения?

– По крайней мере её придерживаются в нашей клинике.

– У меня в принципе всё. Хотите добавить ещё что-нибудь?

– Увы, но я не располагаю сведениями, способными пролить свет на убийство. Ни сведениями, ни домыслами, ни собственными предположениями. Можно, конечно, строить разные версии, копать всё глубже и глубже, но это только заведёт следствие в тупик. Разгадка где-то рядом, на поверхности. Если она вообще существует. А вдруг это дело рук какого-нибудь маньяка, действовавшего без всяких мотивов? Возможен ведь и такой вариант.

– Маньяк всегда оставляет следы.

– Разве их нет?

– Пока нет. Но я приступил к расследованию всего час назад... А теперь – до свидания. Спасибо за содержательный разговор.

– Подписывать ничего не надо? – похоже было, что врач слегка удивлён.

– Это предварительный допрос. Если понадобится его задокументировать, мы встретимся, как говорится, в другом месте и в другое время.

Едва только врач покинул кабинет, как Донцов обратился к Шкурдюку:

– Что можете сказать по поводу всего услышанного?

– Какие могут быть слова! – патетически воскликнул тот. – Я только развожу руками.

– Как я понял, главврач в момент убийства отсутствовал?

– Да, ездил в Норвегию на конференцию по проблемам ранней диагностики маниакально-депрессивного психоза.

– А вернувшись и узнав о случившемся, сразу потребовал расследования?

– Ну не сразу... Где-то к концу дня.

– И заодно приказал вам стереть рисунок на стене третьего корпуса?

– Он в тот день много чего приказал... Как-никак целую неделю отсутствовал. Масса всяких проблем накопилась.

– Как бы мне самому увидеться с профессором Котярой?

Шкурдюк, собиравшийся утолить жажду, едва не расплескал воду из стакана.

– Вряд ли это возможно, – просипел он. – По крайней мере в ближайшие дни. Его рабочее время расписано буквально по минутам. И потом, если бы в этом была необходимость, профессор сам бы условился о встрече. Скорее всего, у него нет ничего, что могло бы помочь следствию.

– Жаль... Но при удобном случае сообщите профессору, что я имею к нему пару конфиденциальных вопросов. Остальное будет зависеть от него самого... Кстати, у вас в клинике имеется какой-нибудь фотоархив? Портреты ведущих специалистов, групповые снимки, вид на клинику в разных ракурсах. Фото желательно свежие, давностью не более года.

– Не знаю даже... – Шкурдюк почесал затылок. – Надо поинтересоваться в отделе кадров.

– Вот и поинтересуйтесь. Заодно захватите личные дела этих сотрудников. – Донцов протянул хозяину кабинета только что составленный список.

– Сделаем. – Шкурдюк стал вчитываться в список. – Так, так, так... Ого, даже я сюда попал! За какие, спрашивается, грехи?

– Ваши грехи пусть останутся при вас. А я проверяю всех, кто имел хотя бы теоретическую возможность проникнуть в палату Намёткина. Вы ведь входите во все помещения клиники, не так ли?

– Вхож, – вынужден был согласиться Шкурдюк. – Но таких людей не меньше полусотни.

– Сегодня проверим одних, завтра других, послезавтра третьих. Горячку в этом деле пороть нельзя. Но если информационно-поисковый центр вдруг выдаст справку, что гражданин Шкурдюк Алексей Игнатьевич в прошлом судим за серийные убийства инвалидов-паралитиков, все мои проблемы отпадут сами собой.

– Шутить изволите, – натянуто улыбнулся Шкурдюк. – А я, между прочим, человек впечатлительный. Всё близко к сердцу принимаю.

Он отсутствовал полчаса и вернулся с целым ворохом цветных фотографий и пачкой тоненьких картонных папок.

– На дворника личное дело отсутствует, – доложил он. – Лукошников у нас совместитель, по договору работает.

Бегло перелистав папки и выписав кое-что в свою записную книжку, Донцов приступил к изучению снимков.

В результате он отобрал для себя целых пять штук. Везде, хоть и с разных позиций, был запечатлён третий корпус клиники, служивший как бы фоном для всяческих жанровых сцен – коллектив на субботнике, коллектив чествует своих ветеранов, коллектив участвует в учениях по гражданской обороне и так далее.

Глава 5

Опер по кличке Псих

Беспокоить водителя-левака Толю Сургуча уже не хотелось, он мог находиться сейчас совсем на другом конце города, и Донцов ненавязчиво поинтересовался у Шкурдюка – не подкинут ли его на служебном транспорте к зданию отдела милиции, откуда три дня назад в клинику выезжала следственная бригада.

– Зачем же на служебном! Лучше я вас на личном прокачу, – с редкой по нынешним временам учтивостью предложил заместитель главного врача.

– Возражать не буду, – согласился Донцов.

– Но сначала перекусим.

– Нет уж, увольте. Тогда на всех моих неотложных планах придётся поставить крест. На сытое брюхо не побеседуешь.

– На голодное тем более! – упорствовал Шкурдюк.

– Всё, вопрос закрыт. – Донцову пришлось перейти на полуофициальный тон. – Вы должны содействовать мне, а не совать палки в колеса.

За то время, которое они провели в клинике, погода опять резко изменилась – дождь сменился ледяной крупой, а поверхность грязи приобрела обманчивую прозрачность.

Машина, принадлежащая Шкурдюку, видимо, была куплена ещё в те времена, когда он процветал на плодородной ниве поп-культуры. По нынешним временам такая четырёхколёсная игрушка, напичканная разными прибабасами, гражданину страны с переходной экономикой совершенно ненужными, стоила тысяч двадцать. В условных единицах, конечно.

Впрочем, на охраняемой стоянке, предназначенной исключительно для личного транспорта работников клиники, имелись тачки и покруче. Создавалось впечатление, что врачи-психиатры живут не так уж и плохо.

После прибытия к месту назначения, Шкурдюк своим поведением несколько озадачил Донцова. Вместо того чтобы отбыть восвояси или ожидать следователя в машине, он увязался вслед за ним. Вряд ли это объяснялось одним лишь праздным любопытством.

«Ну ладно, походи за мной хвостиком, – подумал Донцов. – Посмотрим, что из этого получится».

Предъявив своё удостоверение дежурному, отгородившемуся от всего остального мира пуленепробиваемым стеклом, Донцов осведомился, есть ли на месте кто-нибудь из тех, кто утром шестнадцатого числа выезжал на труп по адресу: улица Сухая, десять.

– Это в «Дом чеканутых», что ли? – перелистывая книгу происшествий, поинтересовался дежурный.

– Примерно. – Донцов исподтишка подмигнул Шкурдюку.

Однако впечатлительная душа заместителя главного врача не выдержала.

– Вы, пожалуйста, подбирайте выражения! – произнёс он фальцетом. – Ваше заведение в народе, между прочим, тоже живодёрней зовут.

Дежурный на этот выпад никак не отреагировал – за целый день ему приходилось слышать здесь и не такое.

– Из следствия сейчас никого нет, – сообщил он, потыкав кнопки коммутатора внутренней связи. – Загляните в розыск. Второй этаж. По коридору налево, двадцать пятый кабинет.

– Спасибо, знаю, – ответил Донцов. – Бывал уже здесь раньше.

По давней традиции, тянувшейся, наверное, ещё со времён знаменитого полицмейстера Архарова, кабинет сотрудников уголовного розыска выглядел как лавка старьевщика или жилище какого-нибудь нового Гобсека. Вопреки мольбам несчастных уборщиц, попрёкам

коменданта и прямым угрозам пожарного инспектора, здесь за самый короткий срок скапливалась масса разнообразнейшего барахла, которое и выбросить было нельзя, и сплавить на склад вещдоков не полагалось.

Была тут и ржавая арматура, послужившая орудием преступления, и фрагменты взломанных дверей, возвращённые с экспертизы; и десятки навесных замков, перепиленных, сбитых или вскрытых отмычками; и костыли, однажды вдоволь погулявшие по человеческим головам; и бронзовые плиты, сорванные с могильных памятников; и булыжники со следами крови; и много другого добра, пригодного в основном лишь для свалки.

За колченогим письменным столом, словно нарочно подобранным под стиль остального интерьера, восседал молодой опер и что-то ловко печатал на компьютере. Донцов немного знал его по прежним встречам, вот только фамилию запомнил. То ли Домовой, то ли Водяной – в общем, что-то фольклорное.

Одеждой, причёской, манерами и даже выражением лица опер был как две капли воды похож на типичного братка из провинциальной банды, прибывшей на гастролы в столицу.

И причина этого крылась вовсе не в стремлении замаскироваться под блатного, а в некой не зависящей от человеческой воли всеобщей тенденции, нивелирующей внешний вид, оружие и лексикон постоянных врагов – так римские легионеры позаимствовали у варваров штаны, терские казаки у горцев – черкеску с газырями, а оседлый люд у кочевников – кривую саблю.

Последний раз опер виделся с Донцовым лет пять назад, когда милицейская опергруппа, игравшая роль наркокурьеров, напоролась на милицейскую же засаду, поджидавшую настоящих наркокурьеров, однако повёл себя так, словно они расстались всего час назад.

– Заползай! – радушно пригласил он. – Как делишки?

– Средне, – ответил Донцов.

– Служишь или уже на пенсии?

– Служу.

– Говорили, что ты на повышение пошёл.

– Было дело.

– Хорошее местечко?

– Хорошее, только работать всё равно заставляет.

– К нам каким ветром занесло?

– Есть одна проблема... Ты случайно не выезжал три дня назад на улицу Сухую? Там в психиатрической клинике пациенту кислород перекрыли.

– Вот именно, что случайно! – Опер закончил печатать и откинулся на спинку стула. – Моя смена уже считай закончилась, а тут это сообщение. Представляешь, шесть утра, вся наша публика рассеялась. Из убойного отдела никого нет. Вот дежурный, тварь, меня и сосватал. Полдня там, как папа Карло, провозился. Спасибо гражданину хорошему, накормил нас.

Опер сделал в сторону Шкурдюка благодарственный жест. Память на лица у него была профессиональная.

– Тогда мне повезло. – Донцов уселся на свободный стул.

– А тебе что, собственно говоря, от меня надо?

– Хочу на это дело взглянуть.

– Забирать будете? – обрадовался опер.

– Сам ещё не знаю. Пусть в верхах решают. Хотя профиль, похоже, наш.

– Ваш? – Опер наострил уши. – А что вы за птицы такие, если не секрет, конечно?

– Секрет... Есть такая хитрая контора в недрах главка.

– Делать вам там, наверное, нечего, – в словах опера сквозило естественное презрение окопного бойца к штабным крысам. – Беситесь с жиру. А я ведь уже отказной материал подготовил.

– С какой это стати? – удивился Донцов. – Здесь же очевидное убийство.

– Для кого очевидное? Для тебя? Для прокурора? Для папы римского? – Опер оказался запальчивым, как фосфорная спичка. – Причину смерти знаешь?

– Знаю. – Донцов, наоборот, был спокоен, как клиент морга. – Выход из строя аппарата искусственной вентиляции лёгких по причине умышленного повреждения воздухопроводного шланга.

– Умышленного? У меня подошва на коцах повредила. – Он задрал на стол ногу, обутую в мокрый ботинок весьма непрезентабельного вида. – Скажете, я это умышленно сделал? Всему свой срок имеется! Этому аппарату в обед сто лет исполнилось. Сделан сверх плана из сэкономленных деталей в последний день квартала где-нибудь в Ереване. Я, конечно, утрирую, но суть дела понятна. В процессе работы шланг постоянно вибрирует. Плюс высокая температура. Плюс низкая влажность. Плюс неаккуратность персонала. Тут железо не выдержит, а не то что резина. Она свой предел прочности имеет. Обрыв шланга случился потому, что рано или поздно должен был случиться.

– Это подтверждено заключением экспертизы? В деле имеется соответствующий акт?

– Нет – так будет. – Опер закатил глаза в потолок и забарабанил пальцами по столу.

– Сам ты хоть в это веришь?

– Я вообще ни во что не верю. Особенно с тех пор, как пионервожатая заразила меня в пятом классе триппером.

– Послушай, давай повременим с отказным, – произнёс Донцов чуть ли не просительным тоном. – Покажи дело.

– На это нужно письменное разрешение начальника следственной группы.

– Не валяй дурака. Я только одним глазком взгляну. И в твоих руках.

– Тогда будешь наливать, – сдался опер.

– Это уж как водится. Могу даже расписку оставить.

Донцов подобрал огрызок карандаша и так, чтобы не видел Шкурдюк, написал на листке отрывного календаря: «Турни отсюда этого дятла. Только вежливо».

Скосив глаза, опер прочёл записку и сокрушённо вздохнул:

– Да, кругом проблемы... Ладно, ожидай здесь, я схожу за делом.

Вернулся он довольно скоро, но не один, а в сопровождении малорослого, хотя и очень бравого на вид милиционера – начищенного, приглаженного и туго затянутого в ремни.

– Сержант Подшивалов! – гаркнул он, чётко отдавая честь Шкурдюку. – Разрешите оведомиться, вы лицо постороннее?

– В каком смысле? – Взгляд заместителя главврача заметался, призывая на помощь Донцова, но тот углубился в изучение следственного дела, пока ещё тонкого, как книжка для дошкольников.

– Я интересуюсь, состоите ли вы на службе в органах, – пояснил сержант.

– Нет, не состою, – признался Шкурдюк, ещё не понимая, что от него конкретно хотят.

– Тогда убедительно прошу пройти со мной. В качестве свидетеля подпишете несколько протоколов личного обыска задержанных... Учтите, это ваш гражданский долг, – видя колебания Шкурдюка, грозно добавил сержант.

– Сходите, сходите, – не отрываясь от чтения дела, кивнул Донцов. – Думаю, что это ненадолго.

Когда Шкурдюка увели в ту сторону, где в железных клетках орали пьяницы и горлалили песни проститутки, опер спросил:

– Думаешь, стукача тебе на хвост посадили?

– Сам не знаю, – ответил Донцов. – Но уж очень подозрительный тип. В каждую мелочь вникает.

– Да, дела в этом дурдоме не простые... Секретность, как в коммерческом банке.

– Деньги, наверное, хорошие проворачиваются, вот и привыкли подозревать всех подряд. Большие капиталы портят характер.

– Лучше испортить характер большими капиталами, чем нашей сучьей работой. – Опер сплюнул в пепельницу, предварительно сняв её со стола.

– Материальчика-то бедновато. – Донцов помахал папкой.

– В спешке всё делалось... Следак, который с нами был, сразу сказал, что на убийство здесь не тянет. Максимум – ненадлежащее исполнение служебных обязанностей. От этой печки и танцевали.

– Сам ты какое мнение имеешь?

– Между нами? – Опер хитровато прищурился.

– Могила! – Донцов сложил пальцы крестом.

– Замочили клиента. Тут двух мнений быть не может.

– А как убийца пришёл и ушёл?

– Это уже другой вопрос.

– Ты при осмотре ничего подозрительного не обнаружил?

– Ничегошеньки! Отпечатков масса, но все принадлежат врачам и медсестрам, которые бывали в палате вполне законно. По замку тоже всё чисто. Тыркали в него только родным ключом. Дежурная медсестра вне всяких подозрений. Порядочная баба да ещё с принципами. Муж отставник. Консультирует совместные предприятия. Сын – военный лётчик. Посторонний мимо неё проскочить не мог. Уж поверь моему чутью.

– Неужели у тебя собственной версии нет? Что-то слабо верится.

– Версии – они как мыльные пузыри. Возникают и лопаются. Но одну могу тебе изложить, слушай. Убийца заранее спрятался в стенном шкафу. Сделав свое дело, вернулся на прежнее место, а потом, когда поднялся базар, смешался с толпой и под шумок смылся.

– Логично... Почему я сам про это не подумал? – вопрос Донцова был адресован самому себе.

– На словах логично. Только с фактами плохо вяжется. Спрятаться в этом шкафу мог только очень subtilный кент. Ещё пожиже нашего окурка. – Опер кивнул на дверь, и Донцов понял, что речь идёт о сержанте, приходившем за Шкурдюком. – Там глубина всего тридцать сантиметров. Это первая неувязка.

– Есть и вторая?

– Есть. Вся толпа состояла из трех человек – врача, медсестры и санитарки. До нашего прибытия в палату никто больше не заходил. Согласись, в такой толпе трудно затеряться. Особенно постороннему.

– А под кроватью спрятаться нельзя?

– Нет, там всё насквозь просматривается.

– Санитаркой ты не интересовался? – спросил Донцов, но тут же спохватился: – Хотя какой в этом смысл... К её приходу труп уже остыл. А когда вообще произошло убийство?

– Примерно часа в два.

– Где сейчас изъятый шланг?

– У экспертов. Только все они на происшествии. Возле магазина «Ирис» инкассаторов расстреляли. Слава богу, что это не моя территория.

– Ты, кстати, не заметил – форточка на окне была открыта? В протоколе осмотра это почему-то не отмечено.

– На форточку я как-то без внимания. Всё же пятый этаж и решётка. Если только Карлсон подлетит... Хотя, подожди. – Опер задумался. – Бумаги, которые следак на под-

оконнике оставил, промокли. Дождик их замочил. Значит, открыта была форточка. А у тебя на этот счёт какие-то мысли имеются?

– Тренированный человек сумел бы по карнизу добраться до окна палаты, просунуть в форточку длинную палку, на конце которой укреплен соответствующий инструмент, и перерубить шланг.

– Прямо голливудское кино какое-то, – говоря высоким стилем, сомнения омрачали чело опера. – Следственный эксперимент, конечно, провести можно. Только кто в нём согласится участвовать? Разве что каскадёры с киностудии. В преступном мире я таких штукарей не знаю.

– Я тоже, – признался Донцов. – Но на Карлсона убийство не спишешь. Начальство меня самого в психиатрическую клинику упрячет.

– Господи, и кому только этот шизик мог помешать! Родни никакой. Друзей тоже. Врагов тем более.

– Разве он был сиротой?

– Почти. Брат уехал на постоянное жительство в Канаду. Мать странствует по зарубежным курортам. Они его даже не навещали. Адреса неизвестны, сообщить о смерти человека некому.

– С одной стороны, это даже неплохо. Моя задача упрощается. Значит, всё – и мотивы и преступника – надо искать внутри клиники.

– В этом я как раз и не уверен. Без ведома главврача там и мышонок не пискнет. Всё под контролем. Он самостоятельности не допустит.

– На этот момент главврач отсутствовал. В Норвегию по обмену опытом шастал.

– Какая разница! Сам посуди, кто для него этот Намёткин? Да никто! Его убрать – как два пальца обоссать. И всё будет тихо-мирно. Никакой корысти в смерти этого журика главврач не имел. Свои, из клиники, на мокруху тоже не пошли бы. Такие номера в маленьких да ещё замкнутых коллективах не проходят. Шила в мешке не утаишь. Нет, что ты ни говори, а здесь посторонний работал. Поэтому и заявление в органы поступило.

– Слушай, а к криминалу эта клиника никакого отношения не имеет? Вдруг там наркотики готовят или у пациентов донорские органы похищают?

– Ну ты и загнул! Иного криминала, кроме укрытия доходов от налогообложения, там не сыщешь. Впрочем, был один странный эпизод. Но к судьбе Намёткина он никакого отношения не имеет.

– Что за эпизод? – сразу насторожился Донцов. – Поделись.

– Было это в прошлом году осенью. Не то в октябре, не то в ноябре. Дату можно по книге происшествий уточнить. Я сам на это дело не выезжал. Подробности со слов ребят знаю. Короче, пробрался ночью в клинику какой-то уркаган. Каким способом, установить так и не удалось. Что он там искал – тоже неизвестно. Шастал-шастал по этажам и нарвался на санитарку, которая из туалета выходила. Та, завидев постороннего мужика в маске, подняла хипиш. Бабы это умеют. И сирены не надо. На шум снизу прибежал охранник. Дубинкой машет. А гость пальнул в него пару раз из шпалера и был таков.

– Без жертв, значит, обошлось.

– Он только для острастки стрелял. Обе пули в потолок ушли.

– Гильзы изъяли?

– Конечно. Правда, регистрировать преступление опять же не стали. У нас «глухарей» со смертельным исходом – выше крыши. Не хватало ещё из-за двух неприцельных выстрелов дело возбуждать.

– Где сейчас эти гильзы?

– Вот тут самое интересное и начинается. Сотрудник, который на происшествие выезжал, положил их к себе в сейф. Так, на всякий случай. А тут проверка из прокуратуры нагря-

нула. Давай всё подряд потрошить, вплоть до мусорных корзин. Откуда, спрашивают, взялись в служебном сейфе патроны от нетабельного оружия. Забыл сказать, что тот незванный гость из «ТТ» палил. Пришлось бедолаге писать объяснительную. Гильзы в лабораторию отправили, на экспертизу. И представляешь – нашлись-таки их сестрички. За пистолетом, который в клинике нарисовался, оказывается, следок имелся. Кровавый следок. Три убийства и несколько покушений.

– Интересно. А какого плана убийства?

– Да так, мелочёвка. Рыночная торговка, мелкий валютчик, какой-то неопознанный тип кавказской национальности. Тихие убийства, без общественного резонанса. Кстати, хозяин пистолета в ту пору был нам уже известен и числился в розыске. Тебе это интересно?

– Очень.

– Фамилия его Ухарев. Кличка – Кондуктор. Возраст примерно сорок лет. Трижды судим. Основная специализация – киллер туалетного класса.

– Почему туалетного?

– Это по аналогии с проститутками. Самые козырные у них, которые по вызову работают. Много берут и в клиентах переборчивы. А самые последние в вокзальных туалетах промышляют. За бутылку бормотухи окажут весь спектр услуг. Вот так примерно и у киллеров. Кто-то на жирных гусей охотится – бизнесменов, депутатов, авторитетов. Ну и получает соответствующе. А кто-то другой мелкими пташками довольствуется. Убирает неверных мужей, постылых жён, базарных конкурентов, сварливых соседей. Пользуется не только огнестрельным оружием, но и любым подручным инструментом, даже топором и лопатой. Эти берут недорого. От тысячи и меньше.

– Где сейчас этот Ухарев?

– Болтается где-то по городу, если, конечно, в провинцию не свалил. Его фоторобот у всех постовых имеется. Рано или поздно попадётся.

– А ускорить этот процесс нельзя?

– Конечно, можно. Если наши штаты раза в три увеличить. И на всякие дурацкие мероприятия не дергать. Типа охраны митингов или операции «Антитеррор». Это вы, белая кость, себе работу ищете, а нас она в любое время суток находит. Даже на унитазах вволю не посидишь. – Опер безнадежно махнул рукой.

– Только не надо давить из меня слезу. Давай лучше вернёмся к тому случаю в клинике. В какой именно корпус проник Ухарев?

– Представь себе, в тот самый, где кантовался Намёткин. Но попрошу не обобщать. Всякие аналогии здесь неуместны.

– А этаж?

– Достал ты меня! – застонал опер. – Тот этаж, тот! Только крыло другое. И зачем я тебе всё это рассказал!

– Слушай, мне нужен Ухарев. – На Донцова вдруг накатил охотничий азарт, чувство столь же древнее и неукротимое, как голод и похоть.

– Мне тоже. Кто же от гарантированной премии откажется.

– Тогда давай поможем друг другу. Мне Ухарев, тебе премия.

– Если бы это было так просто, я бы его и сам давно повязал.

– Но ведь другие его как-то находят. Мужья постылых жён и жёны неверных мужей.

– Хочешь знать технологию?

– Хочу.

– Тогда слушай и мотай на ус. Хотя сомневаюсь, что моя наука тебе пригодится. Знаешь, как называется наше время?

– Время перемен. – Донцов ляпнул первое, что пришло в голову, хотя правильнее было бы сказать что-то вроде: «Время прокладок и памперсов».

– Нет, время организованной преступности, – поправил его опер. – Даже карманник обязан отстегнуть часть своей добычи авторитету, который держит этот район.

– Вот так новость! Ты мне прямо глаза на жизнь открыл.

– Подожди язвить и слушай дальше. Само собой, что киллера-единоличника никто терпеть не будет. Свои же братья-бандиты поймают и в сортире утопят. Спокойно работать можно только под надёжной крышей.

– Какая же надёжная крыша имеется у мелкого киллера Ухарева?

– Это как раз и не важно. Важно совсем другое. Наша блатная братва кучкуется в основном на Октябрьском рынке. Легально состоят в охранниках, а нелегально пасут всех дельцов, начиная от торговки семечками и кончая оптовиками. Вид эта публика имеет весьма колоритный. – Опер провёл ладонью по своему бритому черепу. – Вычислить их можно с первого взгляда. Допустим, ты потенциальный клиент, который уже навёл справки у знающих людей.

– Допустим, – кивнул Донцов.

– Смело подходишь к этим шурикам и говоришь: «Надо бы с Кондуктором увидеться, дело есть». Тебе отвечают: «Иди пока, парень, погуляй, а мы подумаем, про какого такого Кондуктора ты нам фуфло толкаешь». Первый контакт состоялся. Отходишь себе в сторонку. История эта может не иметь никакого продолжения. Значит, ты чем-то братве не глянулся. В другом случае к тебе подваливает мелкий шкет и спрашивает, какое именно дело у тебя имеется к дяде Кондуктору. Излагаешь свою просьбу. После этого контакт опять может обрваться. А может и продолжиться. Тебе предлагают завтра в определённое время подойти в определённое место. Там и состоится конкретный разговор. Другой шкет, который первого, наверное, и не знает, берёт все установочные данные жертвы и назначает цену. Да не с потолка, а вполне определённую, как в прейскуранте. На домохозяйку одна цена, на таксиста – другая. Сразу отдаёшь все деньги. И с приветом. Ты их не знаешь, они тебя не знают. Иди домой и начинай готовиться к похоронам того, кого ты заказал.

– А не обманут?

– Никогда! – с чувством произнёс опер. – Блатные самая добросовестная и обязательная публика в нашей стране. Если взялись кого-то убрать, то обязательно уберут. Бывают, конечно, накладки. От них никто не застрахован. Но человек, ежедневно пользующийся общественным транспортом и не имеющий надёжной охраны, заранее обречён. Пусть он даже будет Брюсом Ли или Ильёй Муромцем.

– Факт, безусловно, печальный.

– Какой уж есть. Но без ложной скромности скажу, что нашими стараниями поголовье киллеров сокращается. А теперь слушай сюда. – Опер наставил на Донцова свой указательный палец, словно из пистолета прицелился. – Предупреждаю, не вздумай сам лезть в это дело. Я-то уже понял, что у тебя на уме. Блатные народ ушлый и изворотливый. В нашей жизни они лучше любого профессора разбираются. Милиционера с ходу вычисляют, по одной только роже, как фашист еврея. Кроме того, их бывшие сотрудники органов втихаря консультируют. За скромное вознаграждение своих, суки, сдают. Ты ещё и на рынок зайти не успеешь, а там уже самая последняя шавка будет знать, что сюда легаш ряженный топаёт. С тобой даже разговаривать никто не станет. Это в лучшем случае. А могут и подрезать. Чтоб другим неповадно было.

– Зачем же милиционера на стрелку посылать! Можно тихаря незасвеченного использовать.

– Это ты думаешь, что он незасвеченный. Урку не обманешь... А кроме того, где ты возьмёшь тысячу баксов? Деньги-то в любом случае пропадут. Их авторитет в собственные руки получает, а уж потом с исполнителем делится. И учти, кукла не пройдёт. Фальшивки тоже. Это равносильно, что мусульманину вместо баранины кусок свинины подсунуть.

– Проблема, конечно, серьёзная, но разрешимая, – последние слова Донцов не сказал, а скорее выдал из себя.

Вновь навалилась слабость, уже ставшая привычной, но каждый раз всё равно пугающая. И сам опер, и все окружающие его предметы утратили вещественность, словно отодвинувшись в какой-то совсем другой, иллюзорный мир.

Хорошо хоть, что нынче слабость пришла одна, без тошноты и рвоты.

– Что с тобой? – донеслось как бы издалека. – Расстроился от моей трепотни?

– Душно у вас что-то, – произнёс Донцов через силу. – Я, пожалуй, лучше на свежий воздух выйду. А за консультацию спасибо. Про пузырь я не забыл. Даже два поставлю.

– Так в чём же проблема? Рабочий день на исходе. – Опер продемонстрировал ему циферблат своих навороченных часов, где из-за обилия стрелок ничего нельзя было разобрать, – сейчас какого-нибудь добровольца в магазин сгоняем.

– Нет, не получится. Дел ещё много. Да и строго у нас с этим. В любой момент могут в главк вызвать.

– Да, не позавидуешь твоей службе. У нас хоть и не сытно, да вольно. Дворовый пес с комнатной собачкой местами не поменяется.

– Знаю. Был я псом. Правда, лапы сбил и клыки стёр.

– Заметно... Проводить тебя?

– Ни-ни. Я сам. – Донцов встал, опираясь на край стола. – Извини, я фамилию твою забыл. Кого спрашивать, если вдруг понадобится?

– Зачем тебе моя фамилия? Она в памяти не держится и на слух не ложится. Здесь меня все Психом зовут. Так и спрашивай. Позовите, дескать, к телефону Психа.

– Договорились... Только ты забыл мне одну вещь на прощание подарить.

– Бери. Мне этого добра не жалко. – Опер извлёк из стола несколько мутных фотографий. – Профиля, извини, нет. Один фас.

– Курносый... – вглядываясь в снимок, задумчиво произнёс Донцов. – Сколько, говоришь, ему лет?

– Около сорока.

– Здесь моложе выглядит.

– Фотка старая. С паспорта переснимали. Теперь он, конечно, изменился. Нервная жизнь и неправильное питание на ком хошь скажутся.

Постояв на крыльце под порывами пронизывающего ветра, съев горсть свежего снега, Донцов дождался, когда приступ дурноты пройдёт, и вернулся в дежурку. Там уже суетился Шкурдюк, похожий на ребёнка, отбившегося от мамы во время стихийного бедствия.

– Вы не представляете, какой ужас я сейчас пережил, – заговорил он, захлебываясь словами (и откуда только голос взялся). – Вы сами хоть раз заходили в этот... как его...

– Обезьянник, – подсказал Донцов.

– Это место так называется? – ещё больше ужаснулся Шкурдюк.

– Нет, официально оно называется изолятором временного содержания. А обезьянник или гадюшник – это из области устного народного творчества. Касательно вашего вопроса могу пояснить, что в этом малопочтенном заведении я бывал значительно чаще, чем в филармонии. К моему стыду, конечно.

– Это просто кошмар какой-то. Я подумать не мог, что в нашем городе имеется столько лиц с антиобщественным поведением. Эти ужасные вольеры, предназначенные скорее для диких зверей, набиты битком. Причём не только мужчинами, но и женщинами... Я исполнил свой гражданский долг, подписал всё, что было положено, а в результате меня ещё и оскорбили!

– Кто, милиция?

– Если бы! Юная девушка ангельской внешности. Сначала она выражалась нецензурными словами, а потом задрала юбку и показала мне задницу. Её подруги плевали в мою сторону. Мужчина весьма приличного вида обозвал ссученным босяком, ментовской совой и обещал пощекотать пером... Кстати, как это следует понимать?

– Зарежут, – хладнокровно пояснил Донцов.

– Вы считаете, что это серьёзно? – голос у Шкурдюка опять осип и, похоже, надолго.

– Вполне. Такие люди слов на ветер не бросают.

– Как же мне быть?

– Лучше всего изменить внешность. Иногда это помогает...

Глава 6

Рождённый под знаком Нептуна

Удача стала обходить Донцова уже довольно давно, сразу после разрыва с семьей. Любой суеверный человек (а Донцов, несомненно, принадлежал к их числу) счёл бы данное обстоятельство неминуемой расплатой за прежние грехи, но тогда напрашивался вполне естественный вопрос: а почему эта самая расплата ждала столько лет?

Неужели дело только в том, что человек, привыкший бежать по жизни вприпрыжку, под гром аплодисментов и звуки фанфар, уязвим в гораздо большей степени, чем тот, кого злодейка-судьба заранее протащила по всем своим жерновам и молотилкам?

Как бы то ни было, но под прежним беззаботным и благополучным существованием Донцова были подведена жирная черта.

Работа уже не привлекала его, как прежде. Из бульдога, славившегося неутомимостью и мертвой хваткой, он постепенно превратился в безвредного пуделя, гоняющего дичь только для виду. Новая должность, к которой он так стремился и которая должна была дать всей его жизни некий совершенно иной, свежий импульс, в действительности оказалась унылой рутинной, а дела, попадавшие в его руки, изначально не имели решения, совсем как знаменитый пасьянс «дырка от бублика», ставший причиной душевной болезни многих русских интеллигентов.

Дальше – больше. Удача так и не возвращалась, и это ещё можно было как-то стерпеть, но стала вдруг навешиваться её антитеза – неудача, коварное и необоримое чудовище, до поры до времени приберегающее свои когти, но ловко ставящее подножки.

Адвокаты жены навязали Донцову долгий и мучительный имущественный спор, в результате которого он оказался на окраине города, в однокомнатной малосемейке, без машины и без библиотеки.

Любимый пес – рыжий, ласковый и наивный зверь – покрылся струпьями, облез, перестал принимать пищу, а потом вообще сгинул где-то.

За последние полгода Донцов не сумел передать в суд ни единого дела, вследствие чего прослыл волокитчиком и растяпой.

В довершение всего пошатнулось здоровье. Всё время хотелось прилечь, в крайнем случае – присесть. По утрам донимала тошнота. Мышцы утратили силу, сухожилия – упругость, голова – ясность. Восхождение на пятый этаж превратилось в проблему. Престало тянуть к женщинам, потом – к водке, а в конце концов и к закуске.

Когда пришло время очередной диспансеризации, проводившейся в их ведомстве через два года на третий, Донцов, до того манкировавший подобными мероприятиями, впервые честно сдал все анализы и без утайки поведал врачам о своём самочувствии.

Анализы были плохие, это он понимал и сам (работа в следствии многому может научить), но что является причиной пожара, сжигающего изнутри его организм, не смог определить ни хирург, ни терапевт, ни тем более эндокринолог.

Тогда Донцова подвергли ультразвуковой диагностике, для которой якобы были доступны все внутренние органы человека.

В темной узкой комнате ему предложили раздеться до пояса, уложили на жёсткую клеёчатую кушетку и стали водить по телу чем-то холодным и мокрым. На маленьком черно-белом экранчике, расположенном в головах кушетки, замелькали какие-то смутные штрихи, похожие на телевизионные помехи.

Исследование проводила бледная, седая и иссохшая женщина, один взгляд на которую навевал мысль о бренности всего сущего. Руки её, время от времени касавшиеся тела Донцова, были ещё холоднее того прибора, которым она выискивала предполагаемую болезнь.

Если бы должности в больницах распределялись не по знаниям, опыту и связям, а исключительно по внешнему виду, то этой даме, наверное, довелось бы заведовать прозекторской.

Грудь, живот и пах Донцова не произвели на ультразвуковой прибор (а следовательно, и на его хозяйку) никакого впечатления. То же самое касалось и правого бока.

Зато слева обнаружилось что-то любопытное. Дама буквально утюжила бок Донцова своим прибором, заставляя его, словно в камасутре, принимать самые причудливые позы.

– Вы когда в последний раз проходили ультразвуковое исследование? – не отрываясь от созерцания экрана, спросила она.

– Никогда, – признался Донцов.

– Нужно каждый год проходить! – произнесла она с непонятным возмущением, как будто бы Донцов был уличен в каком-то неблагоприятном поступке. – Одевайтесь. Завтра узнаете результат у уролога.

– Хорошо, что не у венеролога, – пробормотал Донцов, застегивая в темноте рубашку.

Дама, хоть и чахлая на вид, обладала, однако, весьма острым слухом. На незамысловатую шутку Донцова она отреагировала следующим образом:

– Смею заверить, молодой человек, что вариант с венерологом был бы для вас гораздо предпочтительней. Сейчас даже сифилис излечивается.

Её слова можно было понять так, что болезнь, обнаруженная у Донцова, лечению не подлежала.

Назавтра он уже знал свой диагноз – опухоль левой почки. Причём не какая-нибудь, а злокачественная. И не просто злокачественная, а третьей степени. Правильно говорят врачи – нет людей здоровых, есть люди необследованные.

Предстояла операция, но её успех никто не гарантировал. А пока исследования продолжались. Донцову вводили в кровь радиоактивный йод, а в бедренную артерию загоняли зонд метровой длины. Доза рентгеновского излучения, которую он получил за это время, могла лишить здоровья сама по себе.

Будучи человеком довольно практичным, Донцов перестал покупать себе новые вещи, отложил намечавшееся протезирование зубов и отказался от приобретения дачного участка. Такое понятие, как «планы на будущее», на время утратило для него всякий смысл.

Окончательное решение его судьбы было не за горами, но прежде предстояло выполнить задание, полученное от полковника Горемыкина, – найти преступника, порешившего ничем не примечательного пациента психиатрической клиники Олега Намёткина.

Любезно доставленный Шкурдюком к подъезду своего дома, Донцов на прощание сказал:

– Завтра с утра я хотел бы осмотреть тело убитого. Как это организовать?

– К сожалению, вы опоздали, – опечалился заместитель главврача. – Вчера его кремировали.

– Зачем понадобилась такая спешка?

– А что прикажете делать? Труп невостребованный, нам его хранить негде, а холодильник районного морга забит под завязку. Следователь дал добро, тем более что заключение патологоанатома имеется.

«Что-то я этого заключения в деле не видел», – подумал Донцов.

О налёте на клинику, состоявшемся осенью прошлого года, он решил не заикаться. У туалетного киллера Ухарева среди медработников могли иметься сообщники, а бывший

эстрадный артист Шкурдюк не производил впечатление человека, умеющего хранить чужие тайны.

Оказавшись в квартире, Донцов сразу повалился на диван и некоторое время лежал бревном, ловя ртом воздух и дожидаясь, пока сердце с пулеметного ритма перейдет хотя бы на чётоточный.

С прошлых времён у него сохранилась привычка анализировать на сон грядущий всю проделанную за день работу. Впрочем, сегодня и анализировать было нечего. Похоже, всё пока складывалось удачно.

Дело, пусть и неясное в деталях, имело несомненные перспективы к раскрытию.

На поиски Ухарева уйдёт от силы день-два, и если не вмешаются какие-нибудь формажорные обстоятельства, через него появится выход на заказчика. А в том, что Ухарев проник в клинику с целью убийства, и не кого-нибудь, а именно Олега Намёткина, сомневаться не приходилось.

Полежав ещё немного, Донцов встал, напился из-под крана сырой воды и позвонил Толе Сургучу, которому в планах поимки Кондуктора отводилась немаловажная роль.

Тот, паче чаянья, ответил без промедления, и это показалось Донцову плохой приметой. Предприятия, начинавшиеся без сучка и задоринки, чаще всего заканчивались крахом. И наоборот. Тому имела масса примеров, как в истории человечества, так и в личной жизни самого Донцова.

Не тратя времени на всякие околичности и китайские церемонии, он предложил Сургучу встретиться в самое ближайшее время, желательно немедленно, поскольку возникла срочная необходимость в нетелефонном разговоре.

Сургуч, тщательно скрывая свое удивление, стал вежливо отнекиваться, ссылаясь на усталость после трудового дня и транспортные проблемы (в районе, где он жил, автобусы в это время действительно не ходили, а до метро было ненамного ближе, чем до китайской границы).

– Возьми такси, – посоветовал Донцов. – Расходы за мой счёт.

Такой вариант, похоже, устраивал Сургуча, и он услужливо поинтересовался:

– Что-нибудь захватить по пути?

– Например?

– Ну я не знаю... – Сургуч всё ещё пребывал в состоянии некоторой растерянности. – Выпивки какой-нибудь или девочек.

– Спасибо. Не употребляю.

– Ни того, ни другого? – ужаснулся Сургуч.

– Можно сказать и так.

– Ну, вы прямо аскет!

Тем не менее он явился через час с целой сумкой пива, которое намеревался употребить единолично.

Убогое жилище, в котором обитал Донцов, обычно производило на гостей негативное впечатление, но Сургуч, по-видимому, решил, что это так называемая конспиративная квартира, предназначенная для тайных встреч, вербовки новых агентов и допросов с пристрастием (данную версию подтверждали многочисленные ржавые пятна на обоях, которые при желании можно было принять за кровь).

Избегая всяких упоминаний о клинике профессора Котяры, убийстве коматозника Намёткина и всезнающем опере Психе, Донцов поставил перед Сургучом следующую задачу – с утра пораньше прибыть на Октябрьский рынок, установить контакт с братвой, договориться о найме киллера и в случае удачи сделать заказ.

Уяснив, что от него требуется, Толик сразу увял. Склонность к авантюре, а тем более к риску, не была присуща его натуре.

В аккурат на это и рассчитывал Донцов. Люди самостоятельные и с врагами своими разбираются сами, без посторонней помощи. К услугам наёмных убийц чаще всего прибегают как раз такие вот нерешительные и опасливые Баклажаны Помидоровичи. На подобную приманку должны клюнуть самые проницательные из бандитов.

– Я вас, конечно, очень уважаю, но посудите сами, зачем мне лишние неприятности, – сказал Сургуч, отводя глаза в сторону. – Шкура у меня не дублёная. Подставлять её под нож или пулю резона нет.

– Никто тебя среди бела дня на рынке не тронет, – стал убеждать его Донцов. – Самое большое, так это обматерят. Но и такой вариант практически исключается. Дело верное. Пять минут страха – и двести баксов в кармане, – сначала он хотел ограничиться сотней, но такая сумма согласие Рикши не гарантировала.

– В принципе я и задаром могу помочь... – ох, как неискренне звучали эти слова.

– Задаром не надо. Деньги казённые.

– Тогда другое дело, – это было равносильно согласию. – А кого будем заказывать?

– Меня, – для вящей убедительности Донцов ткнул себя большим пальцем в грудь.

Сургуч был человеком достаточно тертым, чтобы понять – это вовсе не глупая шутка и разводить здесь всякие антимонии неуместно.

– Как скажете, – смиренно молвил он. – А мне и в самом деле ничего не грозит?

– Конечно! Об этом разговоре знаем только мы вдвоем. Когда пойдёшь на стрелку, постарайся изменить свою внешность. Надень темные очки, шляпу с полями.

– Это зимой-то?

– Какая разница. Артист Боярский круглый год так ходит. Неплохо было бы ещё наклеить усы. Свою машину оставь как можно дальше от рынка. Думаю, что слежки за тобой не будет, но лучше перестраховаться. Спустись в метро, немного покатайся туда-сюда. Всё время меняй поезда. В вагон входи только в последний момент, когда двери уже начинают закрываться. Впрочем, не мне тебя учить. Кто на нарах хоть год перекантовался, тот, считай, университет окончил.

– Мне не повезло. Я большую часть суток вкалывал. Директором параша числился, – с горькой усмешкой признался Сургуч. – А заочное обучение, сами знаете, впрок не идёт.

– Пора забыть про парашу... Деньги, которые предстоит заплатить уркам, получишь завтра в первой половине дня. На эту тему мы созвонимся дополнительно. И вот что ещё. Передавая им мою фотку и адрес, сразу скажешь, что хочешь замочить мента. Мол, так и так, загубил мою молодую жизнь, горю желанием отомстить. Обойдётся это, конечно, дороже, зато будет надёжнее. А вдруг они справки обо мне начнут наводить. Срок исполнения определишь предельно короткий – день-два. Объяснишь, что я собираюсь свалить отсюда, потому и спешка. Замётано?

– Замётано. – Сургуч пожал протянутую ему на прощание руку. – А как же насчёт девочек? Не передумали?

– В другой раз...

Ночью не давал уснуть ветер, подвывавший словно издыхающее живое существо, а под утро опять хлынул дождь, грозя непролазной грязью, подтоплением подвалов и эпидемией простудных заболеваний.

В такую погоду лучше сидеть дома, деля досуг с книгой, телевизором или бутылкой водки, а не рыскать по городу в поисках опасного и изворотливого преступника, но что же делать, если с некоторых пор ты не хозяин себе. Надо отрабатывать ранний уход на пенсию, длительный отпуск, бесплатный проезд в общественном транспорте и другие сомнительные льготы.

Появление Донцова на рабочем месте было воспринято коллегами как сюрприз. Хотя задание являлось сугубо конфиденциальным, все знали, что на период его выполнения он получил полную свободу рук и уже не обязан строго придерживаться внутреннего распорядка, установленного в отделе.

Выслушав по этому поводу обязательную порцию банальных шуток и ответив соответствующим образом, Донцов вызвал Цимбаларя в коридор для переговоров.

Когда кому-нибудь из следователей требовался пусть и не мудрый, но дельный совет, когда нужно было распутать казуистический случай или отыскать в уголовной практике прецедент, всегда обращались к Кондакову. А если предстояло рискованное предприятие, связанное со слежкой, погоней, захватом, возможной перестрелкой и мордобоем, тут уж нельзя было обойтись без Цимбаларя.

Издавна повелось, что все разговоры, не предназначенные для посторонних ушей, происходили в тупичке у большого окна, откуда открывался вид на территорию какого-то до сих пор засекреченного «почтового ящика», бесспорным украшением которого являлась безымянная статуя зверски косматого человека – по одной версии Дмитрия Менделеева, по другой, Карла Маркса.

– Какие проблемы? – закуривая сигарету, поинтересовался Цимбаларь.

– Сегодня или завтра на меня будет совершено покушение, – сообщил Донцов напрямик. – Скорее всего, это случится возле моего дома, в подъезде или на лестнице. Вот фотография и приметы предполагаемого убийцы. Тебе, Саша, предстоит помешать этим планам. Главной задачей является не охрана моей особы, а задержание преступника. Нам он нужен обязательно живым, в крайнем случае способным давать показания. Это непереносимое условие, иначе операцию можно считать неудавшейся. Возьми себе в помощь столько сотрудников, сколько сочтёшь нужным. Всяческое содействие со стороны шефа я тебе гарантирую.

– Он будет один? – Цимбаларь помахал фотографией.

– Скорее всего – да.

– Каким оружием предпочитает пользоваться?

– Пистолетом Токарева.

– С глушителем?

– Не знаю. Наверное. Долго ли соорудить глушитель из консервной банки.

– Личность его охарактеризовать можешь?

– Неоднократно судим по разным статьям. Сейчас зарабатывает на жизнь заказными убийствами. Не гнушается самой рядовой работой. Завалил минимум троих, но все они мелкая сошка.

– Как он на деле – жох или мазурик?

– Так себе... Скорее дилетант, чем профессионал. Всю дорогу с одной и той же пушкой работает. Это уже о многом говорит.

– Значит, с дистанции он стрелять вряд ли будет. Попытается подойти вплотную.

– Спасибо, успокоил.

– Ко мне какие претензии! Сам беду накликал... С какого времени начинать тебя пасти?

– Часов этак с шести. Когда я домой возвращаюсь.

– На живца, значит, мокрушника ловишь. – Цимбаларь подмигнул Донцову. – Собою жертвуешь. Как пионер-герой Марат Казей.

– С чего ты взял? – Донцов очень натурально изобразил недоумение.

– С того! Уж прости за откровенность, но таких, как ты, не заказывают. Ну кому ты, спрашивается, нужен?

– Меньше рассуждай, – нахмурился Донцов. – На язык вы все хваткие. Опосля себя покажешь, в деле. Давай действуй. Связь держать будем через дежурного по отделу. Не забыл ещё мой адрес?

– Как можно! На память не жалуюсь. Сам буду возле твоего подъезда дежурить. Если окончательно закоченею, в гости попрошусь...

Экспертов в шутку называли «детьми подземелья», поскольку они обитали в подвальном помещении, где всегда горел свет, пахло гнилой картошкой, а в многочисленных трубах постоянно что-то журчало, то ли вода, то ли фекалии.

Масса бесспорных недостатков, проистекающих из-за столь незавидного месторасположения криминалистической лаборатории, уравнивалась одним общепризнанным достоинством – сюда практически никогда не заглядывало начальство.

Здесь можно было и выпить не таясь, и отоспаться на антикварном кожаном диване, некогда принадлежавшем знаменитому подпольному воротиле Оганесяну, большому любителю бриллиантов, для хранения которых и предназначался этот хитро устроенный диван-сейф.

В столь раннее время на боевом посту находился только начальник лаборатории майор Себякин, занятый составлением очередного заказного гороскопа. По непроверенным, но упорно циркулирующим слухам, звезды небесные приносили ему куда больший доход, чем звёзды на погонах.

Вот и сейчас он листал какой-то написанный по-латыни манускрипт, бормоча себе под нос:

– Венера в седьмом доме... Сатурн в точке восхода... Солнце в оппозиции к Луне...

– Привет, – сказал Донцов, расчищая себе сидячее место среди монбланов книг и рукописей. – Ты в курсе, что со вчерашнего дня все старшие служб должны оказывать мне всяческое содействие? Начальник тебя предупреждал?

– Вчера предупреждал, а сегодня нет, – меланхолически ответил Себякин, мысли которого пребывали в астральных даях. – Марс покидает созвездие Овна... Намечается конъюнкция светил... Кризис, везде кризис...

– Неужели за ночь могло случиться нечто такое, что поставило под сомнение вчерашний приказ?

– Представь себе, могло... Сменились фазы Луны. Сразу две важнейшие планеты покинули дома, в которых они прежде находились. Астрологическая ситуация изменилась самым коренным образом. То, что вчера было справедливо и рационально, сегодня таковым уже не является. Будь я начальником отдела, то взял бы себе за правило подтверждать и отменять приказы ежедневно, но обязательно в соответствии с расположением звезд.

– Сейчас я наберу номер Горемыкина, и ты сам изложишь ему эту теорию. – Донцов сделал вид, что хочет снять телефонную трубку.

– Под знаком какой планеты ты родился? – уставился на него Себякин.

– Не скажу.

– Правильно. Хвалиться нечем. На тебе лежит печать восходящего Нептуна, именно восходящего, я особо подчёркиваю данное обстоятельство, и это заметно с первого взгляда. Только у тех, кто рождён под знаком этой роковой планеты, бывают такие холодные серые глаза, в которых тлеет тайный огонь порока и безумия. Могу побиться об заклад, что с юных лет ты искал скрытый смысл вещей, употреблял наркотики и интересовался изнанкой жизни. Тебя привлекает все, выходящее за рамки реальности. В своих душевных метаниях ты доходил до края бездны, отделяющей жизнь от смерти. Ты всегда жаждал неизведанного, запретного. Если охарактеризовать твою натуру математическим знаком, то это будет бесконечность. Другим и близким ты кажешься человеком уравновешенным и здравомыслящим, но это далеко не так. Внутри тебя затаились демоны извращения, противоречия и гордыни. Под знаком Нептуна родились такие великие личности, как маркиз де Сад, Жиль де Рец, известный больше как Синяя Борода, Игнатий Лойола, Наполеон, Бодлер, Распутин. Среди

людей, родственных тебе по духу, много самозванцев, интриганов, мистификаторов, гнусных шутов и безответственных политиканов. Все они от природы склонны к умственным расстройствам, параличам, злокачественным новообразованиям и некоторым другим грозным недугам, которые современная медицина ещё не умеет лечить. В самое ближайшее время тебя ждёт саморазрушение. Жар твоей страждущей души испепелит хрупкую оболочку тела, и этот процесс уже начался.

Завершив сей зловещий монолог, майор Себякин заржал, но не как оперный Мефистофель, что было бы ещё объяснимо, а как им же самим недавно упомянутый гнусный шут.

К маленьким странностям начальника криминалистической лаборатории в отделе относились снисходительно, ну что, дескать, взять с чудака и фигляра, был бы специалист хороший, но тем не менее душа Донцова тревожно трепыхнулась. Убрав за скобки цветастые гиперболы и прочую словесную мишуру, свойственную, наверное, всем самозванным провидцам, приходилось признать, что майор-астролог был во многом прав.

Сходилось многое: и стремление испытать все мыслимые пороки, и припадки пьяного безумия, и поиск потаённой сути бытия, и грех гордыни, и склонность к злым розыгрышам, и душевный кризис, и злокачественная опухоль, и уже начавшийся процесс саморазрушения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.